

ИГОРЬ ФЕРЕНЦ

ТЫ НЕ

ВОС

КРЕС

НЕШЬ

Игорь Ференец

Ты не воскреснешь

«Издательские решения»

Ференец И.

Ты не воскреснешь / И. Ференец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966034-3

Начинающий стареть наемник не чурается любой грязной работы. Грибовидное облако ядерного взрыва, выросшее над Пекином, и катаклизмы, сотрясшие США, для него всего лишь возможность заработать денег. Но в этот раз война, развязанная таинственными заговорщиками, будет отличаться от всего, с чем ему приходилось сталкиваться. Чтобы выбраться из этой передраги, ему придется пережить ядерный взрыв, исколесить полмира и попытаться заново обрести свою давно потерянную душу. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966034-3

© Ференец И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Лучшие из худших	7
Часть 2. Американская мечта	42
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ты не воскреснешь

Игорь Ференец

© Игорь Ференец, 2019

ISBN 978-5-4496-6034-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

(s.v.) Данное произведение содержит описание сцен насилия, нецензурные выражения и неполиткорректные высказывания, и не рекомендуется к прочтению несовершеннолетним и лицам с неустойчивой психикой и (или) тонкой душевной организацией.

Являясь сторонником мирного сосуществования и рационального разрешения любых возможных конфликтов, автор не преследует целей высказывания негативного отношения к какой-либо этнической, политической, государственной или религиозной группе; побудительного высказывания к действиям против какой-либо этнической, расовой или религиозной группе; указания на действия, направленные на возбуждение национальной или расовой вражды, унижение национального достоинства, а также на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их национальности, расы или религии; а также применения специальных языковых средств для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок и побуждений к действиям против какой-либо нации, религии или отдельных лиц как ее представителей.

Никаких контактов с лицами, причастными к совершению противозаконных деяний, связанных с наемничеством и/или организацией наемничества, а также с совершением иных противоправных деяний, автор не имел, не имеет и иметь не намерен. Вся использованная при подготовке произведения информация была получена автором из общедоступных источников в средствах массовой информации и сети ИНТЕРНЕТ.

Автор отдельно оговаривает, что высказывания героев произведения, носящие расистский, шовинистский и иной оскорбительный характер, не являются отражением мнения автора по данным вопросам и приведены исключительно в выразительных целях для формирования более полного образа героев произведения и/или окружающей их вымышленной обстановки.

Любые совпадения имен, названий или событий, описанных в данном произведении, с реальными совершенно случайны.

Пролог

Туман, который окружал меня с самого начала, постепенно сгущаясь день ото дня, наконец-то превратился в непроглядное покрывало, за мгновение сменившееся абсолютной тьмой. Снаружи, за оконными стеклами, прикрытыми дешевыми рулонными шторами, светило солнце, лучи которого несмотря ни на что пробивались сквозь остатки облаков, из которых еще недавно шел проливной дождь. Темнота была совсем не там. Она была у меня в голове. Она была там с самого первого дня, просто мастерски скрывалась, выдавая себя понемногу, чтобы не напугать своего носителя до усрачки до того момента, когда уже невозможно будет что-нибудь изменить. Она не хотела, чтобы я ненароком сорвался с крючка, потому что по какой-то причине я был нужен этой тьме целиком, с потрохами.

Я стоял посреди гребаной комнаты и осознание того, что от меня уже больше ничего не зависело, подступало ко мне все ближе и ближе, словно приближающаяся вода приливной волны, которая крадучись пропитывает песок под подошвами ботинок, чтобы через полчаса скрыть под собой все оставленные до этого следы. Мои руки были по самые локти в крови, а за моей спиной стояла бесконечная вереница мертвецов, пляшущих на меня своими мутными селечными глазами, уныло тянущих ко мне свои щупальца с окоченевшими скрюченными пальцами, и брюзгливо требующих возмездия за то, что я с ними сотворил. А еще, сквозь вой и гул их голосов, стоящий у меня в ушах, я отчетливо слышал противный хруст, с которым мой гениальный, бережно выблеванный судорогами разума, план давал трещину. Он медленно, но неумолимо расползался по шву, с каждой секундой все больше и больше становясь похожим на чью-то бесформенную задницу. И если хорошенько приглядеться, то становилось очевидно, что задница эта была моей собственной.

В сущности, от меня ничего не зависело с самого начала. Любой желающий мог спокойно записывать это как добровольное признание поражения. Я уже давно был не в том положении, чтобы с чем-то не соглашаться или, не дай то Ктулху¹, против чего-то возражать. В конце концов, я должен был подохнуть еще в самом начале. Безо всяких хитро высланных вторых шансов или чудесного, мать его, спасения. Тихий противный голосок где-то внутри, под черепной коробкой, ехидно шептал мне: «В этот раз ты не сможешь воскреснуть, ублюдок.» И я не находил, что ему возразить, как ни старался. В уме я уже вырыл себе могилу. Строго говоря, я вырыл ее еще туеву хучу трупов тому назад. Другое дело, что потом у меня вдруг появилась надежда на то, что мне совсем не обязательно в ней оставаться, что у меня есть шанс если и не начать все с начала, то хотя бы продолжить в нужном, правильном направлении. Но жизнь – та еще сука. Теперь я совершенно отчетливо ощущал дно обеими ногами, а от ската воображаемой ямы с уютными размерами метр на два шел на удивление реалистичный запах сырой земли.

Все о чем я мог мечтать, это протянуть еще пару секунд. И робко надеялся, что за эти крохи времени кто-нибудь сможет, наконец, объяснить мне, какого хрена вокруг происходит.

¹ Ктулху (англ. Cthulhu) – божество из пантеона Мифов Ктулху, владыка миров, спящий на дне Тихого океана (Говард Лавкрафт, «Зов Ктулху», 1928 г.)

Часть 1. Лучшие из худших

Мой телефон, эта надменная, закованная в герметичную скорлупу противоударного чехла сволочь, продолжал упорно молчать. За окном хмурилось серое небо, с которого того и гляди должен был начать капать противный дождь, и посвистывал в голых ветвях деревьев холодный осенний ветер.

Я сидел в тесном продавленном кресле в своей дешевенькой микроквартирке на южной окраине Москвы и пялился на экран покрытого столетней пылью телевизора, висящего на противоположной стене. Там, на экране, сытомордый, гладко прилизанный диктор из программы теленовостей изо всех сил делал вид, что ему не наплевать, сколько народу погибло в результате «грамотного» дипломатического подхода двух супердержав к решению очередного, копеечного по сути, вопроса. И, как бы между делом, пытался толсто намекнуть на то, что наши власти предупреждали все заинтересованные стороны о том, чем могут закончиться их «танцы с саблями», но нас в очередной раз никто не послушал, так что теперь все сами и виноваты.

В царстве слепых и одноглазый – король.

Я привычно пропускал льющуюся с экрана белиберду мимо ушей и мучительно соображал, что еще забыл положить в свой походный баул. В том, что он должен был мне понадобиться в самое ближайшее время, я уже несколько не сомневался. Это было очень кстати, потому что моя заначка уже давно начала показывать дно. Деньги, полученные мной за прошлую работу, уже подходили к концу, и по моим подсчетам не прошло бы и месяца, как я автоматически встал бы перед выбором: либо сдохнуть с голодухи, либо быть застреленным при попытке ограбления ближайшего магазина. Работы в городе, да, наверное, и в стране в целом, давно уже не было. Ни более-менее приличной, ни вообще хоть какой-нибудь. Для обходящихся грошами трудовых мигрантов я, со своими двумя дипломами, не был конкурентом ни двадцать лет тому назад, ни тем более сейчас. Это мне пришлось хорошенько усвоить еще в те далекие времена, когда я от безысходки подписался на свою первую «командировку». Так что о том, чтобы как-то переквалифицироваться и постараться начать зарабатывать честно, сейчас можно было уже не думать. Все, что мне оставалось, это не ерзать и продолжать дальше перебиваться эпизодическими заработками, которые обеспечивала моя теперешняя «профессия».

Но события последних дней, за которые успела завариться вся эта паскудная каша, не давали мне поводов для уныния. То, что мне так или иначе подкинут новый контракт теперь было лишь вопросом времени.

Все началось с того, что меньше недели тому назад я вот также плюхнулся в кресло, врубил от скуки телевизор и понял, что звездно-полосатые, после долгих и мучительных раздумий, наконец-то съехали с катушек и отдуши долбанули по территории Китая. Вот тут-то ядерный «гриб» и озарил мое убогое существование светом надежды. Все относительно – для большинства нормальных людей начавшийся апокалипсис означал конец их привычному образу жизни, для меня – только начало.

Я не терял времени даром, благо больше мне дома заняться было нечем. Мой старый походный баул из непромокаемого материала стоял в углу, с расхристанной горловиной. Он был уже, вроде как, собран, и всем своим видом показывал, что больше в него ничего не влезет. А если и влезет, то он за себя больше не ручается. Внутри было утрамбовано все, что могло пригодиться в поездке. Белье, запасная пара джинсов. Стратегический запас носков, вещь очень важная в такой работе, как моя. Несессер, аптечка с перевязочными пакетами, антибиотиками и тальком для ног. Всякая хрень вроде аккумуляторов, одноразовых батареек и прочей мелочевки. СОГ²овский мультитул, компактный набор для чистки оружия и малень-

² SOG Specialty Knives & Tools – фирма-производитель ножей и режущего инструмента (США).

кая плоская коробочка с комплектом для холодной пристрелки от Вектор Оптикс³. Защитные перчатки из кевлара с жесткими накладками на суставах. В обязательном порядке – активные стрелковые наушники, глушащие громкие звуки и усиливающие тихие, и Омнитековский⁴ противопульный шлем с антишоковым подвесом. Все это добро мне предстояло увзти с собой, потому как оно овер-дохрена какое полезное, а на месте его выдавать никто мне не обязан. Наколенник – для экономии места только одна штука, для правого копыта. И баллистическая противопульная маска.

В конце концов, я перестал морщить себе мозги и плюнул на все. Обвел взглядом свои восемнадцать квадратных метров, кинул поверх сумки герметичный пакет с паспортом и остатками денег, и схватил запиликавшую дурным голосом ребристую пластинку телефона.

– Лазарь, – уверенно констатировал голос из недр телефонной трубки.

– Я.

Голос в трубке, раскатистый и чуть басовитый, я узнал сразу. На другом конце «провода» висел Илья. Мой давний кореш, с которым мы по молодости, спасаясь от безденежья, катались работать в Восточную Европу, а потом, тоже вместе, работали по не самым престижным контрактам в Африке, на Ближнем Востоке, и уж не вспомню где еще.

Звали его совсем не Илья, поскольку он был чистокровным московским татаринном. Правда, заподозрить его в азиатском происхождении было непросто – скандинавского типа, ростом под два метра, косая сажень в плечах, голубоглазый и светловолосый, больше всего он походил на рыцаря из сказок для маленьких девочек. Только потрепанного и растерявшего по дороге к замку с драконами и принцессами все свои блистающие доспехи. И сколько я его помню, откликался он именно на это имя. Так же как я полжизни откликаюсь на имя Лазарь.

– Категорически! – поприветствовал он меня.

Я буркнул ему что-то нечленораздельное в ответ. По телевизору как раз начался прогноз погоды, с длинными ногами и большими сиськами, поэтому я позволил себе немного отвлечься. С человеком, которого ты знаешь два десятка лет, можно и не раскланиваться, верно? Илья, привыкший за все эти годы к моим интеллигентским манерам, не обратил на это никакого внимания и сразу перешел прямо к делу.

– Тебе какие-нибудь предложения уже поступали?

– Шутить изволите?

Если бы мне уже поступило хоть одно предложения, я бы не стал ломаться, изображая из себя невесть что, и принял бы его не раздумывая. И тогда звонок Ильи не застал бы меня дома. Он об этом прекрасно знал и задал вопрос только чтобы соблюсти минимум положенного политеса. Та самая фигня, к которой я абсолютно не способен.

– Нет, брат, я свободен, – ответил я, уже зная, что он скажет мне дальше.

– У меня наметилась кое-какая халтура. Что думаешь по поводу немного подзаработать?

А что я мог думать? Я терпеливо ждал этого звонка от Ильи или от любого другого знакомого, без разницы, с того самого момента, как заварилась вся это нездоровая канитель с ядерным бомбометанием. Конечно, я был не против. Я был очень даже за.

На следующий день, с утра пораньше, мы с моим корешем загрузились в его убитую годами, ржавую и изрыгающую изо всех щелей масляные выхлопы колымагу, в прошлой жизни известную как гэ-третий китайский «Олень»⁵, и помчались на встречу с человеком,

³ Tac Vector Optics – фирма-производитель оптики (КНР).

⁴ ООО «ОМНИТЕК-Н» – производитель средств защиты, в т.ч. арамидных пулестойких шлемов (Россия).

⁵ GreatWall Deer G3 – пикап с двойной кабиной (КНР).

от имени которого другой человек, занимавшийся посредничеством в такого рода делах, связался с Ильей и предложил ему эту «непыльную работенку на непродолжительный срок». Посредники посредников, запутанная цепочка, абсолютное несоблюдение международного права и, как показывает практика, несоответствие радужных надежд и суровой действительности.

Очень удачно проскочив перед самым началом утренних пробок, мы протолкались к невзрачной серой коробке офисного здания, притулившегося к корме торгового центра, торчащего на границе Новой Москвы и МКАДа. Без проблем припарковались на пустующей бесплатной стоянке для клиентов и вылезли наружу.

Погода за сутки, прошедшие с нашего с Ильей телефонного разговора, ничуть не изменилась. Покрытое мглой свинцовое небо, постоянно морозящий дождь и противный холодный ветер, лезущий под тонкую куртку. Прекрасное начало дня.

Стараясь не клацать зубами от утренней прохлады, мы проскочили в узенькую стеклянную дверь с прилепленным на ней графиком работы какого-то безликого ООО «Рога и копыта», прошли мимо скучающего пожилого охранника, миновали заклеенные полосатой ленточкой узенькие двери неработающего гостевого лифта, и метнулись по обшарпанной бетонной лестнице на пару этажей вверх. Выскочив из узкой, окрашенной персиковой масляной краской, кишки лестничной клетки на нужный этаж, мы еще какое-то время попетляли по дебильному лабиринту коридоров, то и дело сверяясь с Илюхиными каракулями на маленьком измятом клочке бумажки. Уродливое дитя причуды архитектора-двоечника и желания выжать из минимальной площади максимум арендуемых помещений – оказался за очередным поворотом Минотавр, я бы ничуть этому не удивился. Между делом я бросил взгляд на свои часы. Они показывали половину седьмого.

– Мы не рано? – поинтересовался я у Ильи.

Илья, не сводя глаз с дешевых дверных табличек и не снижая заданного темпа, отрицательно мотнул головой.

– Нет, он сам просил подъехать пораньше...

Я не возражал против такого подхода к делу.

Илья, наконец, нашел нужную дверь, для вида один раз стукнул в нее загрубевшими до состояния лошадиных копыт костяшками пальцев, и, не дожидаясь приглашения, бесцеремонно повернул ручку.

– О! Добрый день, господа!

Через плечо Ильи я заметил, как от письменного стола, на котором беспорядочной кипой лежали какие-то бумаги и стоял полуоткрытый ноутбук, отделился невзрачный человечек, завернутый в недорогой классический костюм-двойку, и с интересом поднял на нас свой взгляд.

– Мы от Руди, – отрекомендовался Илья.

Я пробурчал невнятное приветствие и протолкался в дверь следом за Ильей.

– Смит, – представился человечек, метнулся к нам и приветливо потряс наши клешни. – Вы можете звать меня просто Смит.

Настоящее это его имя было или нет, я так никогда и не узнал, но мне было на это наплевать. Мы представились ему в ответ. Говорил человечек с почти неуловимым, но все же ощутимым акцентом. Америкашка. Вежливый и по-деловому энергичный. Я почему-то вспомнил анекдот про вежливого лося. И это было не к добру – в том анекдоте для зверей, живших в лесу, все плохо закончилось. И у нас с Ильей были хорошие шансы повторить их судьбу.

Передо нами стоял цэ-рэ-ушник, в этом я был уверен. Неопределенного возраста, роста, пола, цвета и запаха. С эдаким, характерным для них, размытым пятном на том месте, где у нормальных людей должно находиться лицо, с отсутствующими мелкими деталями, которые можно было бы запомнить. Понятия не имею, отбирают их по какому-то принципу, или спе-

циально выращивают на какой-то секретной ферме, но разбуди меня среди ночи и попроси сказать, работает человек на ЦРУ, или нет, хрена с два я ошибусь.

То обстоятельство, что представитель заказчика или, черт его знает, сам заказчик, был из-за бугра, показалось мне странным, но не больше того. Первый раз в своей жизни меня на моей же территории пребывания вербовал америкос. Обычно в роли вербовщика выступал кто-то из местных. Например, тот же Руди, который сосватал Илье эту халтуру. А тут такая «честь». Но, при имевшихся обстоятельствах, я списал этот странный факт на обычную спешку. Ведь чем больше были отдалены друг от друга звенья в цепочке посредников, тем дольше должен был бы идти процесс формирования нашего маленького «творческого» коллектива. Я смекнул, что лично выдвинуться на место, найти местного дельца со связями и побыстрому набрать людей, было для Смита вполне разумно. И решил для себя по возможности не заострять на этом внимания. Один хрен, в свете той помойки, что устроили америкашки с китайцами, грядущие проблемы обещали быть значительно серьезнее.

– Присаживайтесь, джентльмены, – Смит сделал нам приглашающий жест в сторону пары стульев, стоявших с нашей стороны стола.

Мы послушно опустили свои задницы на жесткие сиденья. Смит зашел за стол, рухнул в дешевенькое, скрипящее всем, чем только можно, офисное кресло и положил нам под нос две тоненькие пластиковые папки – каждому свою.

– Стандартный контракт, господа, – пояснил он. – Сумма прописана в тексте. Работать предстоит, как вы понимаете, на территории другого государства.

Мы покивали в ответ. Толку читать этот контракт я не видел ни какого. Можно подумать я бы отказался от работы, имея в кармане чертову дырку вместо денег. Но все равно быстро пробежал по диагонали лежащий передо мной двуязычный текст, набитый в две параллельные колонки. Все как в лучших домах. Никакой страховки и никаких компенсаций в случае ранения. В зависимости от квалификации —от одной до полутора штук евро в неделю на рыло, и общий привет. Небольшая сумма была прописана в качестве аванса, полный же расчет полагался нам только после завершения контракта. Если конечно, мы бы сподобились вернуться живыми, и Смиту было бы с кем расплачиваться. В противном случае это здорово сэкономило ему денег. Мертвые не потеют.

На счет гонорара тоже можно было даже не пытаться тарыхтеть. Будь мы гражданами какой-нибудь «престижной» страны вроде Штатов, Франции или, на худой конец, ЮАР, то могли бы претендовать на сумму в пять или даже десять раз больше. И, возможно, даже на приличную страховку. Но, как говорится, мы не вышли рылом. Боженька поднастрал нам, приказав родиться в Восточной Европе, а это значит, будь ты хоть киборг-ниндзя, получишь только пятую часть от того, что положено другим, какими-бы слабаками они не были. Это обидно, но по-другому никогда не было и, похоже, уже никогда не будет. И это мне было хорошо известно.

Я молча сгреб со стола предложенную Смитом авторучку и принялся заполнять свои данные в пустых полях. Сидевший рядом со мной Илье был занят тем же самым.

– Как вы заметили, – снова заговорил все это время наблюдавший за нами мистер Смит. – Наша фирма оплачивает дорогу в оба конца. Однако вы должны быть готовы к вылету в течение ближайших суток.

Это был огромный плюс. Оплата проезда в хрен-знает-куда, это немаловажный вопрос для таких голодранцев, как мы с Ильей и сотен таких же, как мы, «свободных художников», не имеющих «длинных» контрактов и постоянных работодателей. Везти нас в такую даль выходило едва ли не дороже, чем оплатить наши скромные услуги. А в противном случае, для нас овчинка могла бы не стоить выделки. С учетом непростой обстановки на границе с принимающей стороной, весь наш гонорар мог легко уйти на оплату обратной дороги. Собственно это меня и насторожило больше всего. По опыту я прекрасно знал, что народ, если это не супер-

пупер профи, которых не грех обласкать, стараются набирать настолько близко к месту действия, насколько это возможно. А тут – лететь через полконтинента, да еще задарма.

Тогда я, старый дурак, в очередной раз списал все это на ту же самую спешку. Судя по всему, ребята должны были быть в цейтноте, раз уж отправляться на место нам предстояло максимум через сутки.

– Подробности предстоящей работы вам сообщат на месте ваши непосредственные руководители, – Смит, старательно выбирая слова, наблюдал, как мы карябаем бумагу дешевыми авторучками. – Но я тоже вкратце введу вас в курс дела. На стратегическом, так сказать, уровне.

Он расплылся в застенчивой улыбке.

«Сделай одолжение, говнюк,» – подумал я.

Смит продолжал говорить, без подробностей описывая возникшую ситуацию, по причине которой мы, собственно, и понадобились. А я слушал его в пол-уха, заполнял бумаги и пытался разобраться, почему у меня такое нехорошее предчувствие.

Перед самым уходом я, как и мой кореш, оставил Смиту свой вусмерть затоптанный таможенными штампами загранник, чтобы он мог озаботиться оформлением билетов и визы.

Что смешно, поставленную перед нами задачу эта хитрожопая сволочь так толком и не обрисовала. По его словам выходило, что какой-то, как я понял – нефтеперегонный, завод, располагавшийся на территории Поднебесной, с самого момента его основания усердно питался американскими деньгами. Теперь же, после устроенного нервными людьми из Вашингтона фотофиниша, его забугорные совладельцы со всей уверенностью полагали, что этот завод будет в насильственном порядке национализирован и отойдет к коммунякам. Для наших нанимателей, и, по совместительству, потенциальных бывших хозяев завода, один день простоя этого чуда технической мысли равнялся сумме от пятнадцати до двадцати лимонов их зелено-персиковых денег в сутки. Поэтому группа профессиональных камикадзе, вроде нас с Ильей, должна была выдвинуться на место и выкинуть оттуда немногочисленных местных вояк, от которых, по словам Смита, никто не ожидал особого сопротивления. А потом немного потусовать там, чтобы обеспечить неприкосновенность американской частной собственности до тех пор, пока основные силы экспедиционного корпуса штатовцев не придут родным капиталистам на помощь и окончательно не приберут там все к своим рукам. Что прибирать они, понятное дело, уже давно были в курсе, и только ждали, пока кто-нибудь достаточно тупой и нищий сделает за них всю грязную работу, чтобы они смогли безопасно все «урегулировать». Этими тупыми нищebroдами и были мы.

Сценарий знакомый. Начинается он всегда одинаково. Но как пойдет дело, всегда показывает только время.

Пытаться добраться до нужного нам места с нашей, Российской стороны, было бесполезно.

Границу с Монголией наши погранцы очень оперативно перекрыли намертво, опасаясь провокаций и прочего дерьма вроде неуправляемой массовой миграции из зараженных радиацией местностей. С противоположной стороны все было не намного лучше. Плюс ко всему, с пожарных самолетов МЧС вдоль границы распыляли какое-то химическое говно, которое по замыслу спасунов, должно было помочь от распространения радиоактивных осадков, прущих к нам со стороны Китая. Так что по земле туда попасть было бы невозможно, по крайней мере, если ты не планируешь добраться до нужного места в виде фарша.

Получив из рук мистера Смита свои паспорта с неведомо каким чудом проставленными рабочими визами, мы с Ильей забрали свои билеты, оделись попроще и окольными путями помчались в аэропорт Жуковский. Там мы на удивление успешно прошли погранконтроль, прикинувшись работягами-контрактниками занятыми в каком-то международном строительном проекте, и полетели маленьким коммерческим рейсом в Кыргызстан. С учетом перманентно-оптимистического экономического состояния в Москвабаде, это было для нас идеальным прикрытием. В последние годы, при близкой к нулю официальной безработице, наши сограждане, по примеру не менее «удачливых» граждан Чехии, Польши и прочих Румыний, тоже стали расползаться куда глаза глядят, лишь бы накалымить на кусок хлеба для детей. Трудно дождаться процветания у себя на Родине, когда все ее ближайшие соседи, с которыми по идее нужно было бы делать бизнес, уже пару десятилетий не вылезают из дерьма...

Забравшись в тесное нутро небольшого самолета, мы с Ильей протолкались по салону, нашли свои места и, запихнув свои ранцы на полки, смонтированные под потолком, усьелись в кресла. Илюха тут же воткнул в уши «затычки», переделанные из старых «яблочных» наушников и двух пистолетных гильз, врубил музыку и моментально задремал, выпав из реальности на ближайшие несколько часов. Я спать не хотел, поэтому вытащил из-за пояса заранее приготовленный томик «Неизвестной войны⁶», и попытался было читать этот опус нашего бывшего коллеги по бизнесу. Но нехорошие мысли, лезущие в череп, никак не хотели отпускать, так что мое чтение не вышло. Я отложил потертую книжку в сторону и огляделся вокруг. Вместе с нами этим же рейсом, помимо толпы азиатов, летело еще полтора десятка подозрительных на вид, потрепанных жизнью мужиков. И что-то подсказывало мне, что летели они туда же, куда и мы, и с той же самой целью. Но наводить с ними мосты прямо во время перелета было не к месту. Я решил, что если это и были наши коллеги, время для знакомства у нас должно быть предостаточно.

Или нет.

По всей видимости, наш наниматель не рискнул или не захотел из экономии нанимать для нас отдельный борт, и поэтому тупо купил нужное количество самых дешевых билетов сразу на всю свою паству на один и тот же рейс. С одной стороны, это было разумно. С другой – как посмотреть.

Я сидел, пристегнутый тоненьким нейлоновым ремешком к сиденью, и прикидывал, «примут» ли нас по прилету у трапа самолета, или нет. Не дай Ктулху какая-нибудь тварь слила бы нас компетентным органам и дюжина уголовных дел была бы им обеспечена. А ведь это и чьи-то новенькие погоны и продвижение по службе и премии. Хороший стимул для принимающей стороны. И процессуальными вопросами никто себе голову забивать не станет – у нас, как и в Киргизии, далеко не Швеция. Срок схлопотать можно и при недостаточности доказательств.

Но в тот раз все обошлось. Едва крылатая развалюха, на борту которой мы коптели, коснулась взлетной полосы своими лысыми колесами, мы повскакивали с мест и помчались к выходу. Под чутким руководством невзрачного мужичка, который летел с нами и, как оказалось, выполнявшего функции координатора, мы расхватали свои мешки, летевшие в багаже, и выскочили из здания небольшого провинциального аэропорта, принявшего наш борт, на улицу.

Улетали мы из промозглой осени, а попали в гнетущее пекло. Свою куртку я стянул еще в самолете, но это нисколько не помогало. Солнце жарило мою кожу даже сквозь ткань футболки. Вдоль проезжей части, тянувшейся вдоль здания воздушной гавани, неспешно курсировал военный патруль. Здесь, что вполне ожидаемо, тоже были в курсе последних событий и принимали соответствующие меры.

⁶ Автор Отто Скорцени.

Стараясь не торчать понапрасну под испепеляющими лучами, да еще и на виду у военных, мы помчались к указанному нам координатором чумазому автобусу китайского производства. Автобус был неопределенного цвета, без номеров, с пропитанными пылью бортами и с такими же замызганными вусмерть стеклами, через которые, по-моему, даже водитель ни черта не мог разобрать.

Сдав нас дежурившему поодаль прокопченному солнцем и степными ветрами водиле, на вид из местных, координатор незаметно слился. А мы, оставшись без своего «вожатого» закинули свои шмотки прямо в салон, запихнули следом несколько коробок с бутилированной водой, и очень дисциплинированно расселись по местам. Ни дать ни взять – пионерский отряд.

О том, что дорога будет не близкой, нас предупредили сразу. Примерно представляя себе географию региона, я догадывался об этом и сам, но по-полной осознал масштабы катастрофы только в пути. Мне повезло сразу пролезть к окошку, я уселся пытаюсь поудобнее устроиться в просиженном тысячей задниц кресле, протер себе на закаленном стекле небольшую проплешинку в почти сантиметровом слое грязи, и постарался расслабиться. На данном этапе от нас мало что зависело, и можно было позволить немного поработать за нас другим людям.

Рыдван для порядка покряхтел стартером, надсадно пукнул в сторону аэропорта облаком черной копоти и тронулся с места. Всю дорогу солнце шпарило с небес как из гигантской духовки. Колеса, шурша, кидали покрытый щербинами и трещинами асфальт назад. Постепенно за окном промелькнули промзоны, потом соседствовавший с аэропортом город, затем и он уступил место более мелким кишлакам, разбросанным посреди выжженной степной равнины, сменившимся, в свою очередь, безлюдной гористой местностью. Кондиционера в автобусе не было – экономия топлива. Поэтому в салоне воняло выхлопными газами, разогретым пластиком и металлом, пополам с запахом полутора десятков потных мужиков. И если бы не открытые настежь окна и тапка, которой наш водила давил в пол, мы бы все к чертям подошли от отравления собственными миазмами и сопутствующего кислородного голодания.

Как нашему водиле удалось перебросить нас через границу, известно одному шайтану. Добрых шестнадцать часов мы, с короткими дозаправками и перерывами на пописать и покурить, взметая тучи дорожной пыли пополам с песком и мелкими камнями, скакали по каким-то буеракам и петляли, как зайцы, по несусветным козым тропам среди гор и пригорков. Но в результате такого марафонского марш-броска мы сподобились-таки каким-то волшебным образом попасть на территорию Китая и стремительно, как перепуганные зайцы, почесали вглубь, в направлении юго-восточнее Кашгара⁷. Практически в чертову пустыню.

Благо, из-за того, что пески Такла-Маканской пустыни⁸ успели сожрать львиную долю северной части Синьцзян-Уйгурского автономного района⁹, местность тут стала безжизненной и безлюдной. Настоящим раем для нелегалов, не боящихся сдохнуть от обезвоживания посреди ада из песка и саксаула.

Через неполные двое суток с момента старта из аэропорта, наш рыдван финишировал на полузаброшенной с виду военной авиабазе, расположенной посреди какого-то безлюдного захолустья. «Колючка» по периметру, разморенные солнцем и духотой вооруженные часовые, стоявшие на воротах, и бетонные плиты, сто лет назад уложенные на землю стык в стык. Вдалеке маячили самолетные ангары и одинокая вышка, когда-то, наверное, служившая пунктом контроля за полетами.

Мы вытряхнулись из душной жестянки, тут же укатившей прочь, похватали свои пожитки и всей толпой лениво потащились, шаркая по криво уложенным бетонным плитам с пробивающейся через швы сухенькой травкой, в указанную нам казарму, переделанную,

⁷ Кашгар (Каши) – городской уезд в городском округе Кашгар Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

⁸ Пустыня на западе Китая.

⁹ Регион на северо-западе Китая, самая большая по площади территориально-административная единица КНР.

судя по внешнему виду, из приспособленного для этой цели бэушного куонсетского ангара¹⁰ из оцинкованной жести. По периметру шлялись вооруженные люди в штатском, упакованные в плэйткэрриеры «Кондор Сентри¹¹» песочного цвета.

Народу на обозримой территории ошивалось вроде бы и немного, но было заметно, что за периметром тщательно секли. И сколько еще народу пряталось от солнца в бараках, раскиданных по бетонной площадке полигона, на тот момент можно было лишь догадываться.

И тут мне стало интересно, кто сечет за периметром. Кто-то из нас, или приглашенные приглашенные только для этой цели специалисты со стороны. У меня невольно появилось ощущение, что я сам позволил привезти себя в концлагерь.

– Скажи мне, если я параноик, – я кивнул шагающему рядом со мной Илье в сторону одного из «броненосцев».

Илья выкинул из уха одну из «затычек», задумчиво проводил взглядом удаляющегося охранника и ничего не ответил. Он постепенно становился все мрачнее. И явно не от последствий перелета и духоты. Видно было, что теперь и он не особенно рад тому, что ввязался в это дело.

Спустя неполные сутки тупого сидения на жестких раскладных койках и вынужденного безделья нас набралось уже пять с небольшим хреном десятков человек, собранных из всех уголков третьего мира.

Честно сказать, кучковавшиеся вокруг нас парни были далеко не первой свежести. В большинстве своем они с натяжкой годились в деревенские вышибалы. А некоторые вообще выглядели так, будто на первом же маршброске склеят лапы от обострения геморроя. Нормальных пехотинцев с боевым опытом, на первый взгляд, набиралось едва с десятков-полтора. Одним словом – сброд из тех, кто не смог попасть на постоянный контракт к частникам. Собственно, как и я сам. Дешевые шлюхи-индивидуалы, которые дежурят на трассах в надежде подцепить клиента пожирнее и не подохнуть между делом в придорожной канаве. Лучшие, мать их, из худших.

Хорошо было только то, что мы более-менее понимали друг друга. Многие бегло говорили по-русски, по-английски или, на худой конец, по-немецки. Некоторые сносно владели несколькими языками сразу, что, в общем-то, в нашей профессии далеко не редкость, учитывая разъездной характер нашей работы и ее причудливую полу-колониальную географию.

На исходе этих первых суток народ уже собрался вконец заскучать от безделья, но на всякий случай все еще держал себя в руках, опасаясь, что в ближайшее время что-либо может измениться. К этому времени, прочувствовавшись важностью момента, подкатил наш будущий непосредственный командир с небольшой свитой каких-то ребят в штатском.

По случаю приезда начальства наш сброд вяло встрепенулся, попытавшись изобразить нечто наподобие школьной линейки. Правда не особенно успешно. Сам я ограничился тем, что положил раскрытую книгу корешком вверх и принял полу-вертикальное положение, усевшись на койке. Илья же, видимо, решил, что дисциплинированных чудаков среди нас и так хватает, и не стал покидать свой раскладной брезентовый лежак вовсе.

Наш будущий шеф элегантно промаршировал в центр ангара, остановился, выполнив команду «напра-во!» и бегло окинул представший перед ним сброд несчастным взглядом

¹⁰ Ангар полуцилиндрической формы из гофрированного железа, первые строения такого типа были собраны ВМС США в 1941 в местечке Квонсет-Пойнт.

¹¹ Облегченная версия бронжилета компании Condor.

гения, обреченного работать с идиотами. Судя по манере себя держать, он был из бывших штатовских спецов или вроде того.

– Добрый день, джентльмены! – начал вещать он хорошо поставленным командирским голосом. – Я ваш непосредственный командир. Зовите меня майор Кусто или просто майор.

Говорил майор на английском с явным американским акцентом. Я поставил себе маленький плюстик за то, что угадал хотя бы это. Незаметно повернув голову из стороны в сторону, я огляделся по сторонам. Народ, несмотря на кажущееся раздолбайство, слушал Кусто очень внимательно. Как бы то ни было, напряжение от затянувшегося ожидания все-таки сказывалось. Всем давно хотелось какой-никакой, но конкретики.

– Джентльмены, я вижу, что разумными удобствами и питанием вы обеспечены, – Кусто обвел взглядом ангар, в котором мы все сидели, остановившись на нагроможденных в углу коробках со стандартными натовскими пайками и коробками с бутилированной водой. – В ближайшее время вас экипируют. А затем вы будете проинструктированы.

Майор закончил свой монолог, и, не дожидаясь, пока все опомнятся, резко развернулся и вышел наружу, на свежий воздух.

– Я не понял, – донеслось с Илюхиной койки. – Он зачем приходил-то?

– Пометил территорию, – мрачно съязвил я.

– То есть ликбез¹² в ближайшее время так и не намечается? – равнодушно поинтересовался он.

Я молча пожал плечами и уставился на щель в слегка приоткрытых воротах ангара, через которую, вместо двери, мы шастали на воздух. Снаружи ангара плясали тени. Там оживленно жестикулировали, и, судя по доносившимся приглушенным листовкой сталью звукам, кто-то нервно и язвительно басил. К моему большому сожалению, от этого приправленная густым акцентом речь говорящего становилась в конце неразборчивой. В ответ ему кто-то очень некультурно ржал. Когда бас стих, в щели ворот появился здоровенный детина с рыжей бородой в стиле киношных викингов и хлопнул по створке ворот ладонью, затянутой в песочного цвета кевларовую перчатку, привлекая наше внимание.

– Дерьмо! Этот чертов гомик сам не одуплется! – выругался детина знакомым басом. – Как нам сообщают с мест, нормальный гребаный брифинг будет немного позже! Их светлости надо въехать в тему, а посему они изволили уединиться со своими пиджаками¹³ и велели вам передать, что вы можете поцеловать их в сраку!

Кто-то хохотнул с койки, прятаясь в глубине ангара.

– Спасибо, Вильнюс, мы уже сами поняли!

Я напряженно посмотрел на рыжего детину, соображая, как жить дальше, и медленно откинулся обратно на койку. Довольный произведенным эффектом, викинг раскланялся, злобно пригладил свою бороду и снова удалился на улицу, дальше нервничать под палящим солнцем.

– И как ему там на солнцепеке не жарко? – услышал я спокойный голос Илюхи.

Я не нашелся, что ему ответить. Но про себя подумал, что начало у нас самое что ни на есть говененькое. Нам либо не говорили, что нас ждет, либо сами не знали, что сказать.

Хотя, с учетом моего предыдущего опыта, я на другое и не рассчитывал. Не в первый раз замужем, так что видал и подлиннее и поволосатее. Но зачем было разводить такой неприкрытый бардак, все равно было не понятно. У меня было только одно разумное объяснение – никто не мог сориентироваться в творящейся помойке. Это понятно, не каждый день начинается Третья мировая война. Всем требовалось время, чтобы понять, что и как делать. В осо-

¹² Ликвидация безграмотности – массовое обучение неграмотных взрослых чтению и письму в Советской России и СССР (аббр.)

¹³ Гражданское лицо (жарг.)

бенности тем, кому предстояло принимать серьезные решения. Нам же оставалось надеяться на то, что это действительно так, и что тот, кто будет планировать предстоящую нам работу, с толком использует это время, и не облажается. В случае просера или, что еще смешнее, в случае если творившийся бардак был запланирован нашим нанимателем заранее, цена вопроса для каждого из нас – это цинковый ящик.

Примерно к обеду второго дня всю нашу шоблу выстроили перед казармой, и, как баранов, погнали под палящим солнцем на противоположную сторону базы. Когда мы, нога за ногу, извергая пукательные газы и пыхтя одышкой отставших от нашего стада сердечников, домчались до второго ангара, то с нескрываемым восторгом увидели, что приготовили для нас наши хорошие работодатели.

На самом краю бетонного поля стояла пара стандартных, покрытых въевшейся пылью, армейских тентованных грузовичков с откинутыми задними бортами, а возле них – такие же стандартные армейские ящики защитного цвета с выполненной иероглифами маркировкой. Поначалу я не почувствовал подвоха, но потом, когда мы скovyрнули крышки с ящиков, начал понимать что к чему.

Стволы для нас, как я понял, или скупали по дешевке, или вообще уперли с какого-то резервного склада, забытого в далекой попе Поднебесной. В наличии оказались только автоматы «Тип 56¹⁴» с несъемным игольчатым штыком, болтающимся на шарнире под стволом. Плюс ко всему нам досталась пара единых пулеметов «Тип 67¹⁵» под винтовочный патрон с несколькими коробами уже снаряженных нерассыпных лент, наваленный кучей ворох стальных автоматных магазинов и несколько ящиков с патронами и ручными гранатами «Тип 82¹⁶». На полу кузовов, на расстеленном брезенте лежали один на другом бронежилеты с бронепанелями на основе порошка корундилового типа¹⁷, грязно-песочного цвета, но отнюдь не от «Тактикал Тэйлор¹⁸», и старомодные разгрузки типа «лифчик», с лямками, перекрещивающимися на спине крест-накрест. Все, естественно, «мэйд ин Чайна¹⁹».

Особых причин жаловаться я, в принципе, не видел. По тогдашним нищенским временам это уже можно было считать верхом щедрости. Добрую половину своей профессиональной жизни я пользовался именно такими инструментами, сделанными в Китае по советской еще лицензии. В лучшем случае, в Восточной Европе попадались либо их собственные клоны «Калашникова», либо родные АК-74²⁰, невзвест как попавшие туда в обход санкций. На оставшуюся статистическую половину приходились африканские страны, в которых списанные винтовки «Хеклер и Кох²¹» и «ФН ФАЛ²²», завезенные из Европы, по объемам конкурировали с нашим АК практически на равных. И, надо сказать, все это старье неплохо справлялось со своей задачей – оно очень хорошо умело убивать.

¹⁴ Лицензированная копия советского автомата Калашникова АК (КНР).

¹⁵ Единый пулемет калибра 7,62x54R (КНР).

¹⁶ Ручная осколочная граната, заряд мощностью 62 г в тротиловом эквиваленте (КНР).

¹⁷ Бронеэлементы состоящие из картона и заполнены специальным составом, состоящим из мельчайших гранул.

¹⁸ Tactical Tailor – производитель тактического снаряжения (США).

¹⁹ Made in China – сделано в Китае (англ.)

²⁰ Автомат калибра 5,45x39 (СССР/Россия).

²¹ Heckler & Koch GmbH – компания по производству стрелкового оружия (Германия).

²² FN FAL – лёгкая автоматическая винтовка (фр. Fusil Automatique Leger), производимая компанией Fabrique Nationale de Herstal (Бельгия).

Илья подошел к одному из контейнеров, театрально выцепил двумя пальцами из его утробы первое попавшееся «весло»²³, и с кривой ухмылкой посмотрел на меня, покачивая головой.

– Это тебе, мля, не тюнинг-ателье Кребса²⁴, а, Лазарь?

Я неопределенно пожал плечами, и не соглашаясь с ним, и не возражая. К самому железу у меня вопросов не было. Лучше быть, конечно, могло. Вот только зачем? Двадцать лет назад это было абсолютной нормой. Дешево и сердито, легко достать, не жалко выбросить. Конечно, на тот момент в резерв уже давно списывались и более современные образцы, в том числе китайские, и разжиться ими по сходной цене, при соответствующем желании, большой проблемы для заказчика не составило бы. Но и «пятьдесят-шестой», как по мне, вполне годился для того, чтобы качественно натворить делов.

Дело было в другом. Во-первых, наняли нас не какие-то там мифические нефтяники, а кто-то совсем другой. Тот, кто привык считать каждый потраченный цент и не расценивал готовящееся вторжение как очередной инвестиционный проект, который потом отобьет затраченное с процентами. И если нежелание связываться с крупными частными военными компаниями еще можно было объяснить боязнью оставить «бумажный» хвост, который будут в случае чего искать в первую очередь, то экономия на «основных средствах»²⁵ не вязалась с образом нефтяного магната ни в какую. А во-вторых, периметр охраняли явно не такие-же, как мы, неудачники. Я готов был поклясться, что это были штатные профи нашего работодателя. Понятно, что доказать это было бы сложно. Хотя, с другой стороны, пока нам платили деньги...

– Не переживай, братан, – успокоил я Илью. – Нам с тобой их внукам по наследству не оставлять.

– Это справедливо...

По справедливости сказать, если бы все пошло по тому плану, что озвучил нам мистер, мать его, Смит, нам эти железки не пришлось бы даже чистить. Все должно было кончиться очень быстро – пошумели, разогнали законных владельцев, освободили место для «обиженных инвесторов», и по домам. А с этим хламом потом пусть что хотят, то и делают – его ресурс для нас был совсем не важен, было важно отсутствие отказов в пределах этого ресурса. Илья это понимал и, похоже, также, как и я, капризничал совсем не из-за этого.

Уныло потолкавшись у импровизированных пирамид, мы отобрали пару автоматов, что попримечнее, просто просмотрев у них стволы на просвет. И тут же, на месте, пристреляли их по пустым бутылкам из-под питьевой воды и деревянным щитам от опустевших ящиков, которые мы устанавливали прямо на земляной отвал у внешнего периметра. К счастью, для того, чтобы пристрелять «Калашников» никакой тонкой техники не требуется.

Между делом мы с Илюхой немного «повеселились», когда совершенно внезапно выяснилось, что некоторые наши алкаши видят АК в первый раз в жизни. В основном это были «тормоза»²⁶, которые служили у себя дома со старыми немецкими веслами, списанными бундесвером по старости и переданными «братьям меньшим» по «ленд-лизу». Оно и понятно, при такой спешке было бы удвительно, если бы им удалось найти сносно подготовленные кадры. Я бы даже мог позлорадствовать, глядя на все это, если бы количество долбоебов в нашей команде не было обратно пропорционально моим шансам вернуться домой с прежним комплектом конечностей.

²³ Винтовка (жарг.)

²⁴ Krebs Custom – производитель тюнигованного оружия серии АК (США).

²⁵ Термин экономической теории, означающий средства труда, участвующие в производственном процессе.

²⁶ Жители прибалтийских государств (жарг.)

Прознав об этом безобразии, наше начальство спешно организовало для тех воинов, которые не дружат с «пятьдесят-шестым», коротенький ликбез по матчасти. И, до кучи, еще и краткий курс первой помощи для всех желающих. Чем, как говорится, наш рогатый босс не шутит...

А ближе к вечеру того же дня, после эрзац-ужина, нас наконец-то загнали в казарму на планерку. Там перед рядами заранее расставленных складных стульев уже маячил майор Кусто, мерявший шагами пространство перед импровизированным зрительным залом. За ним, на здоровенном листе фанеры, поставленном на попа, висела карта района. Когда наше стадо расселось, наш харизматический лидер, как мог, попытался обрисовать нам детали предстоящей боевой задачи, время от времени давая слово своим товарищам в штатском. Презентация, мать ее за ногу, свершилась.

Как бы то ни было, с его слов ничего сверхъестественного от нас не требовалось. Если не вдаваться в подробности, то нам предстояло сблизиться с неприятелем в указанном районе, с ходу выбить его с территории объекта, зачистить периметр, после чего окопаться и дожидаться высадки солнечных джедаев²⁷.

По заверениям ребят в штатском, консультировавших нашего майора, особого сопротивления со стороны противника они не ожидали. По их прикидкам, все кадровые военные китайцев были задействованы на ликвидации очагов заражения или охраняли основные стратегические объекты, включая столицу страны. В нашем же секторе, по их предположениям, должны были околачиваться необученные призывники под предводительством пары матерых специалистов по парадом, от которых, понятное дело, не стоило ждать чудес тактического искусства. Так это или нет на самом деле, они, конечно, понятия не имели. Но что меня действительно порадовало, так это то, что парни упомянули об отсутствии здесь «свечения», а это никак не могло не радовать. Мужики, правда, пару раз начинали бурчать что-то про химзащиту, но майор мастерски пропустил их эротические стоны мимо ушей...

Когда эта вымученная квази-планерка наконец-то подошла к концу, наше героическое начальство потихоньку рассосалось, а нам дали немного времени на отдых и подготовку. В итоге почти все молча сидели в казарме, занимаясь своими делами, и думая каждый о чем-то своем. Рыжий бородач Вильнюс с парой других матерых ребят завис над картой, обсуждая предстоящую операцию. Группа сочувствующих собралась за их спинами, пытаясь воткнуть в то, что им предстоит делать. У меня всегда была хорошая память, так что инструктаж я запомнил, и что мне нужно было делать дальше, уже представлял.

Поэтому, пока позволяло время, я распотрошил свой баул и постарался успеть сделать все, что можно было на скорую руку. Автомат я заранее тщательно почистил и проверил. Доставшийся мне «пятьдесят-шестой» оказался не самым ранним, поэтому канал ствола и патронник у него были хромированы, и находился в очень приличном состоянии. Позабавил только его архаичный штык, плоский кончик которого был похож на жало отвертки.

Из шмотья на мне остались только родные джинсы «Рэнглер²⁸», которым уже сто лет как нет сносу, футболка и трекинговые ботинки «Меррелл²⁹». Свою куртку я запихал в мешок, чтобы не забыть потом забрать ее домой.

Натянув на правое колено наколенник, я набросил на себя бронежилет, подогнал крепления по фигуре и снова снял его, положив рядом. Эту тяжелую сволочь я собирался одеть только перед самой посадкой в вертолет.

Набив патронами полученные магазины, я залез в свой баул, достал моток армированной липкой ленты и плотненько примотал их друг к дружке, попарно скрепив «валетом».

²⁷ Военнослужащий США (жарг.)

²⁸ Wrangler – торговая марка джинсов, принадлежащая текстильной корпорации VF Corporation (США).

²⁹ Merrell – производитель обуви для активного времяпрепровождения (США).

Потом аккуратно разжал усики на чеках гранатных взрывателей и пристегнул гранаты кольцами к внутренним карабинчикам, пришитым изнутри в кармашках на разгрузке. Ножны с заменившим мне десантный нож некомплектным калашниковским штык-ножом, который пришлось тут же затачивать на собственном камне, я пристегнул вертикально, справа от крайнего подсумка для магазинов, и, до кучи, обмотал и их и антабки на автомате знаменитой на весь мир синей изолянтной, чтоб не звякали на бегу или, чего доброго, не слетели к хренам со своих мест.

Во время всей этой возни я обратил внимание на молодого смуглого паренька с собранными в хвост длинными, почти до плеч, волосами, который занимался собственным снаряжением и, между делом, с любопытством поглядывал за тем, как копошатся другие. Тогда я понял ситуацию по-своему. Вообще я не страдаю добродушием, и приступы альтруизма для меня совсем не характерны, а парень на вид был достаточно тренирован и не производил впечатление комнатного лошקה. Но обстановка была ему явно в новинку, а снаряжение было в несколько раз старше него самого. Мне пришло в голову, что сраных двадцать с хвостом лет назад я и сам также глазел по сторонам, стараясь побороть панику и впитать как можно больше полезных мелочей, которые могли бы мне помочь не сдохнуть. Подумал и кинул парню початую катушку липкой ленты, показав глазами, чтоб занялся делом. Противоестественная доброта...

Парень поймал катушку на лету, кивнул мне, обозначив благодарность, и принялся мотать свой бэ-ка³⁰ – четыре пары классических стальных магазинов.

Илюха, с отсутствующим видом сидящий в темноте, на своей койке, снисходительно фыркнул и издевательски покосился в мою сторону. Не обращая внимания на своего саркастического корефана, я крайний раз пробежался взглядом по снаряжению. Все выглядело не то, чтобы отлично, но вполне удовлетворительно. Остались только мелкие детали. Я нагнулся к баулу, вытянул из него чулок балаклавы, бросив его поверх бронежилета, добавил к ней свои защитные перчатки, шлем и толстую противопульную маску. Появление последней, как мне показалось, привлекло внимание молодого, которому я пожертвовал свой «скотч». Он уставился на нее, потом на меня и едва заметно покачал головой, улыбаясь каким-то своим мыслям. Обычная полимерная баллистическая маска. Вроде тех, что бывают у хоккейных вратарей, только без огромных прорезей для дыхания и наклеек с Даффи Даком³¹. Черная матовая поверхность, ремни на затылке и толстые подушки амортизаторов напротив лба и скул. Если верить информации фирмы-изготовителя, такой намордник держит пулю из триста пятьдесят седьмого магнума³² практически в упор. Вот только почему-то проверять это действительно не рекомендуется.

Наверное для кого-то это выглядит как перебор, согласен. Я-то стал носить ее по чисто практическим соображениям. Например, чтобы осколки камней, кирпича, бетона или прочей билеберды не сбрили мне морду, или не вышибли глаз. А дело это в нашей профессии совсем не редкое. Например, эту штуку любят проворачивать пулеметчики – пускают «дрожку» из пуль чуть ниже цели, а потом ведут ее на тебя. И в тот момент, когда к тебе начинают прилетать пули, тебе уже, строго говоря, наплевать, потому как тебя уже в мясо посекло камнями и долетевшим плашмя рикошетом. Ну, а что по поводу пули в упор, как по мне, так если тебе лень думать и ты по собственной дурости подставился под прямой выстрел в рыло, то считай, что сам заслужил такой конец.

Молча натянув на голову балаклаву, я раскатал ее до плеч, так, чтобы потом можно было запрятать концы под отворот бронежилета. Лишний мусор вроде раскаленных гильз за шиво-

³⁰ БК – боекомплект (аббр.)

³¹ Daffy Duck (Утка Даффи) – мультипликационный персонаж из подборки Looney Tunes в мультсериале Warner Brothers и Merrie Melodies.

³² .357 Magnum (9x33 R) – американский револьверный патрон большой мощности, созданный компанией Smith & Wesson в 1934 году.

ртом мне совершенно ни к чему. Маску я положил на колено, откинулся спиной на стенку ангара и прикрыл глаза. Скоро должно было начать светать.

А перед самым рассветом нас затолкали в потрепанные вертушки, похоже, еще советской сборки, и потащили на работу.

Закопченные и ухайдоканные годами нещадной эксплуатации винтокрылые машины, ревя и поднимая непроницаемые облака желтой пыли, оторвались от бетонки и медленно поплыли в сторону нехороших синюшно-фиолетовых сполохов на горизонте. Кроме умирающего неба, в засранное всеми мухами Китая стеклышко круглого иллюминатора виднелась только уходящая в бесконечность Такла-Маканская пустыня, сожравшая, несмотря на героические усилия лучших инженеров Поднебесной, большую часть их когда-то пригодных для житья-бытья земель. Долетим мы до этих всполохов в фонающих натовскими гостинцами песках или сядем раньше, я старался не думать. Утешало лишь то, что наш шеф летел в одной вертушке со мной.

Затем ровный гул моторов сменил тональность. Вертушки вытормозились после стремительного падения и зависли примерно в двух метрах над землей и метрах в двадцати друг от друга. В салоне погас свет. Кто-то толкнул наружу люк по левому борту, впуская в нутро летающего гроба рев турбин и мусор, поднятый с земли вращающимися лопостями.

– Высадиться! – проорал диким голосом майор Кусто, стоявший скрючившись на самом комингсе³³.

Народ, сидящий на лавках вдоль бортов, стронулся с места. Я надвинул противопоульный намордник себе на рыло, плотно затянул на затылке ремни, и в порядке живой очереди протолкался к проему. А потом не задерживаясь маханул вниз, мягко приземлившись на четыре ноги, попутно отметив, что с возрастом делать это, почему-то, становится все легче и легче, а не наоборот, как я думал лет пятнадцать-двадцать назад. И тут же отскочил в сторону, давая место тем, кто еще оставался в кашляющем едва дышащими турбинами жестяном ящике.

Я мельком бросил взгляд на циферблат застегнутых на моем левом запястье часов. Они показывали без четырех минут пять утра.

Нас высадили в паре километров от завода, как и было запланировано изначально. От него нас отделяли каменистые холмы и высохший перелесок, хилый, но с очень густым подлеском, ограничивавшим видимость. Это к слову о пустыне, мля. Сам по себе перелесок казался настолько жидким, что того и гляди со дня на день осыплется на камни, сквозь которые так упорно пробивался. Непонятно было, как он вообще до сих пор там торчал. Однако кущи подлеска – мелкого кустарника и высокой выцветшей до состояния соломы травы, были такие, что коснись нам нарваться на засаду, хрен чего мы бы увидели в этом колтуне из торчащего высушенного хвороста и соломы. Такой поворот мог сделать нас легкой мишенью для окопавшихся там бойцов, пытавшихся защитить свои пенаты.

Определившись на месте, мы скоренько разбились на группы, вытянулись в цепи, и, выслав вперед разведчиков, двинулись в направлении проклятого завода. Через восемь минут легкой трусцы наш передовой отряд доложил об обнаружении следов противника. А еще через три с половиной минуты мы вступили с ним в контакт. Вернее, нас попросту обстреляли из ближайших зарослей. Правда, без особого настроения.

Первые пули свистнули довольно далеко от меня. Такие вещи с опытом учишься различать на слух. Так что я позволил себе буквально на секунду встать на одно колено, и поводить по сторонам жалом, чтобы сориентироваться, откуда по нам лупят. Народ справа и слева

³³ Комингс – конструкция, окаймляющая по периметру вырез в палубе, переборке, и бортах судна.

от меня попытался залечь и начать лупить в ответ. В результате мы стали стремительно терять темп. Последнему салаге было ясно, что пройдет еще полминуты такого пассивного кретинизма, и можно было даже не начинать весь этот бардак. Гении, которых наняли в качестве командиров отделений, почему-то продолжали тормозить, народ норовил растянуться, а поднимать их, похоже, никто не собирался. Одним словом – получилась халтура. Настоящий позор, но лишь в том случае, если бы наша «сборная отбросов развивающихся стран» имела моральное право называться профессионалами.

Продолжать двигаться вперед одному было бы форменным идиотизмом, а я себя считать идиотом упорно избегал. Кроме того, в моем контракте не было ни слова о бонусах за инициативу и энтузиазм. Однако прошла еще пара-тройка секунд и ситуация начала понемногу подправляться и без моего участия.

– Вперед, мляди, или все тут передохнете! – рявкнули знакомым басом откуда-то с левого фланга. – С ума посходили, обезьяны?! Пошли, пошли, пошли!

«Давай, дядя Вильнюс, поучи свою паству основам контрацептивы в сельской местности,» – не без сарказма подумал я, узнав голос орущего.

Вильнюс очень вовремя перехватил инициативу, я, грешным делом, начал подумывать, не начать ли и мне самому окапываться.

Повернув башню на его голос, я успел увидеть, как по фронту начинает распускать шлейф дымовая граната. За ней – вторая, третья. Семи пядей во лбу не требовалось, чтобы додуматься, что пытался изобразить рыжий прибалт. Пинками поделив наших алкашей на штурмовую и опорную группы, он выстраивал подобие обходного маневра, с тем расчетом, чтобы убрать передовую группу противника и двинуться дальше. Мне эта затея понравилась, так что я перебрался в штурмовую группу и покрепче сжал анус.

Дождавшись, пока шлейф хоть немного встанет, народ, наконец, поднялся.

Заложив дугу за спинами опорной группы, мы перешли на трусцу, вышли НОАК³⁴овским войкам во фланг, и с ходу открыли по ним шквальный огонь, быстро сокращая дистанцию до того места, откуда по нам лупили в ответ. Китайцы ждали от нас, что мы намертво заляжем под их плотным огнем. И малость подрастерялись, когда мы сделали рожу кирпичом и энергично поперли на них, немного закручивая их оборону влево по курсу атаки, чтобы затруднить им перенос огня. А в тот момент, когда китайцы сообразили, что нас надо отсекал от своего правого фланга, мы с несколькими мужиками из моего отделения поймали удобный момент и крутанулись в противоположную сторону. Бегом прошуршав с полторы сотни метров по дну неглубокой балочки, поросшей сухой желтой травкой, мы вышли на левый фланг китайцев и ударили по ним изо всего что у нас было. Бедолаги оказались обречены – они продолжали смотреть в том направлении, откуда давила наша основная группа, так что получилось так, что стреляли мы практически им в спины.

А дальше все происходило очень быстро, на уровне рефлексов и мышечной памяти. Отдельные события перестали восприниматься, смазавшись в одно сплошное пестрое полотно, орущее, грохочущее, смердящее, брызжущее кровью и матерящееся. Пули взрывались, пролетая совсем рядом, иногда смачно хлопая во что-то или в кого-то поблизости. Кто-то из оборонявшихся НОАКовцев, видя безысходность ситуации, в которой они оказались, пытался бросаться на нас едва ли не со штыком наперевес. Кто-то, наоборот, пытался выскочить из своей ячейки и удрать. Но таких было не много.

Я немного раскорячился, чтобы уменьшить собственные габариты, и, не опуская ствола, отгребал приставным шагом чуть вбок, по пути сшибая короткими очередями выскакивающих передо мной солдатиков обратно в могилки, которые они сами для себя вырыли.

³⁴ Народно Освободительная Армия Китая (аббр.)

Когда почти всех оборонявшихся расплескало по кустам, мы подобрались к ним вплотную, щедро закидали оставшихся в живых осколочными гранатами, и, не дожидаясь, когда уляжется поднимающееся в воздух говнище, попрыгали к ним в окопы, вычищая себе место плотным автоматным огнем, как метлами.

Кругом были дым, копоть, вонь и вопли.

В гексагеновом дыму я подкатил к очередному окопу, в котором собирался временно спрятать свою тушку. Сбил ударом ноги в грудь какого-то мелкого китайца, попытавшегося меня достать, вклепил ему вдогонку короткую очередь, расколовшую его кевларовый шлем вместе с тыквой, и ссыпался вниз.

Вокруг сразу стало тише.

Высунув автомат над срезом окопа, я дожег оставшиеся патроны в сторону противника, сменил четвертую по счету пару магазинов и по быстрому окинул себя дежурным взглядом. И только тогда понял, откуда взялась уже начавшая доставать меня тянущая боль в бочине. Поначалу я надеялся, что это от той дряни из халявного пайка, что я сожрал предыдущим вечером – утром я, по старой солдатской привычке, жрать не стал. А оказалось, что нет. Из пары неровных дыр на жилете неровными струями сыпался керамический порошок – несколько бронезащитных элементов вышли в тираж. Кевлар внешнего чехла был распорот, похоже, каким-то осколком, а следом за ним расплзлась по швам и картонная основа самой бронепанели. Кроме этого, на моем левом плече начало расплзаться кровавое пятно. Пуля скользнула по касательной, может быть даже рикошетом, распорол рукав футболки, прикрывавший дельтовидную мышцу, и улетела дальше, не причинив существенного вреда. По результатам осмотра я сделал вывод, что легко отделался. Китайцы, вопреки прогнозам хозяйских «разведонов», стояли насмерть, и я мог побиться об заклад, что в тот момент многие из нас о таком символическом ущербе, который получил я, могли только мечтать.

Снова выглянув над окопом и долбанув пару коротких очередей, я оперся затянутой в перчатку левой рукой на бруствер, оттолкнулся правой ногой от противоположной земляной стенки и одним рывком выбросил свое тело наружу.

Вертя башкой по сторонам – вот она, расплата за использование намордника – я метнулся еще на пару десятков метров вперед, туда, где ребята добивали остатки продолжавших отстреливаться НОАКовцев. Доскакал до них и сразу скатился по слегка осыпавшемуся борту длинной траншеи, где уже сидели мужики из моего отделения, припыленные и потрепанные, но до сих пор живые.

– Легкие деньги!

Тот молодой, которому я пожертвовал свою катушку ленты, тоже оказался в той яме. Увидев, как я слетел на дно, он кивнул мне и осклабился в улыбке, как будто я был его старым приятелем. Я молча стряхнул с пуза липучий корундиловый порошок и брезгливо поморщился, надеясь, что это произведет нужный психологический эффект. Молодому, как мне показалось, хотелось почесать языком. Такой побочный эффект дает адреналин, молодые солдаты часто шумят и фонтанируют энергией после драки. А у меня настроения трепаться не было, мы, старики, как правило сидим немного глубже. Да, тогда я понял эту ситуацию по-своему. Парень хотел было протолкаться ко мне, но его опередили.

– Отвали от него, Рамирес...

Все тот же громогласный рыжебородый амбал, Вильнюс, шумно выдохнул через свой огромный шнобель и принялся набивать остатки патронов из разных магазинов в один пустой.

Я молча выглянул из траншеи и оглядел окрестности. Осмотрелся, убедившись, что бой окончательно стих, и осторожно вылез на бруствер.

– Разведчики ушли проверять цеха.

Вильнюс, закончив свою возню, вылез следом за мной и встал рядом со мной в полный рост. Теперь он стал у нас кем-то вроде почетного комотделения. Народный чемпион. Я кивнул.

– Теперь окапываться и ждать...

Если верить первоначальному плану, ждать смену нам оставалось максимум день или два, плюс-минус. Поэтому мы резво и с энтузиазмом окопались, успев примерно к полудню. Поставили на место поврежденные при штурме спотыкачи³⁵ и спирали АКЛ³⁶, и заняли круговую оборону. Народ постепенно почуял, что мы укладываемся в график и у некоторых начало отлегать от жопы. Люди стали позволять себе расслабляться. Идиоты.

Не спеша закончив рыть себе запасную яму, я скатился в свою основную ячейку, сложил трофейную МСЛ³⁷ и принялся обобщать результаты.

Свое плечо я еще сорок минут назад заклеил хирургическим клеем и шов получился на редкость удачный, держался крепко и почти не кровил. Ребра на поверку оказались целы. Только в том месте, куда пришелся основной удар, расплывался кровоподтек в три мои ладони. Мне даже стало подозрительно, насколько легко мне удалось отделаться.

А вот с технической частью вопроса дела обстояли немного сложнее. Патроны для АК у меня вышли все. Ну, не все конечно, но воевать этими оплесками уже было нельзя. С подвозом боеприпасов все было мутно. Беглый обход территории выявил полное отсутствие патронов семь-шестьдесят две для наших автоматов. Так что я не стал полагаться на логистику наших работодателей и ждать завоза боеприпасов. Немного побродив среди собранных в кучу трофеев, я выудил из нее вполне сносно выглядящий «Кью-Би-Зет 95—1Би³⁸» – кастрированный карабин с коротким стволом, и наковырял к нему несколько восьмидесятиместных магазинов от однотипного с ним ручного пулемета, похожих на рахитичные африканские барабаны, сделанные из мошонки козла. Поводив жалом еще немного, мне удалось откопать среди чьих-то кишок бинокль с инфракрасным дальномером и некондиционную комбинашку «Кью-Ти-Эс-11³⁹» с рассыпавшимся в щепки пластиковым корпусом, но каким-то чудом уцелевшим электронно-оптическим прицелом с цифровым зумом на дневном канале. Стараясь не сильно перемазаться в говне и кровище, я с помощью мультитула снял его с труп искореженного автомата и прибрал к рукам. Все, что мне теперь было нужно, это закрепить добытый прицел на планке Пикатинни⁴⁰ моего «кастрата», пристрелять его, заодно проверив на работоспособность, и ждать эвакуации. Экспедиционщиков или профи из какой-нибудь аффилированной частной военной компании, это было уже не важно.

Скинув на земляной пол окопа свой узенький штурмовой рюкзак – мой баул остался в казармах – я достал свой комплект для холодной пристрелки. Наконуне я как жопой почуял, что он мне понадобится, и переложил его компактную пластиковую коробку поближе, из баула в ранец. Вооружившись трофейным биноклем и мультитулом, я загнал хвост лазера в ствол, и устроился перед бруствером, собираясь поколупаться с прицелом. В этот момент за моей спиной раздался шелест осыпающегося грунта и ко мне в ячейку слетел Рамирес.

– Вертушки! – сипло выдохнул он. – Вынырнули внезапно, как черти из коробочки...

³⁵ Неразрывные инженерные заграждения из 4—6 рядов кольев высотой 25—30 см. с прикрепленной к их верхушкам колючей проволокой.

³⁶ Армированная колючая лента (аббр.) – разновидность неразрывных инженерных заграждений, предназначенных для удержания живой силы и легкой колесной техники.

³⁷ Малая саперная лопата (аббр.) – шанцевый инструмент.

³⁸ QBZ 95—1 В – укороченный автомат (карабин) Туре 95—1 (QBZ-95-1) кал. 5.8×42мм (КНР).

³⁹ Комбинированный комплекс QTS-11, совмещающий в себе автомат кал. 5.8×42мм и гранатомет кал. 20 мм (КНР).

⁴⁰ Система рельсового крепления, используемая для установки прицелов и вспомогательных устройств на различных видах стрелкового вооружения.

Я сдул с обрезиненного окуляра несуществующие соринки, демонстративно изображая, как сильно занят, и продолжил молча возиться с настройками прицела. Эти вертушки не собирались нас утешить. Я услышал их еще с минуту назад, и объяснять Рамиресу, что это стрекочут турбовалы⁴¹ «Джи-И»⁴² американских «Блэк-Хоков»⁴³, а не «ТВЗ—117»⁴⁴ китайских «Милей»⁴⁵, на которых мы сюда приползли, я считал ниже собственного достоинства.

Молодой помялся, оценивая мое гнусное поведение.

– Соболезную по поводу твоего друга, Лазарь...

«Божечки мои! – подумал я. – Вот только давай без этой муйни...»

– Откуда ты знаешь мою погремуху⁴⁶? – бездушно ответил ему вопросом я.

Со стороны это могло показаться очень некультурным. Повод-то для лирики, говно вопрос, был знатный...

Илюху я нашел минут через двадцать после того, как мы зачистили этот гребаный завод. Пошел его поискать, чтобы общнуться и подвести промежуточные, так сказать, итоги. И наткнулся на него, мирно валявшегося на бруствере полу-осыпанного окопа, в ореоле керамического порошка из бронепанелей собственного жилета. По всему было видно, что придурок как-то умудрился подставиться под очередь из пятидесятки⁴⁷. С того момента, как пулеметчик поймал его на мушку, шансов у него не было...

На моей памяти, ясен пень, случались и более неприятные вещи. И вещи эти, надо сказать, со временем, сделали из меня морального уродца. Черствого и некультурного. И хвала Макаронному Монстру⁴⁸ за это благо, иначе они сломали бы меня, сделав нервным, вечно ноющим алкашом. По итогам можно сказать, что мне повезло, я не спился и не тронулся умом.

Во времена первых своих командировок я был совсем еще сопляком. И «погружение в культурную среду» оказалось настолько удачным, что мне было совсем не до переживаний по поводу того, кто и как «подавился мацой». Хорошенько обосравшись от страха, я словно в кошмарном сне носился по горящей земле вперемешку с кирпичным крошевом, ползал на карачках по чьему-то говну и кишкам, вцепившись в старенький автомат побелевшими от напряжения пальцами, пытался делать вид, что мне есть за что платить зарплату, и изо всех сил старался не подохнуть. Потом, уже намного позднее, у меня появилось время, чтобы все это обдумать, заново пропустить все через себя. Но никакого душевного смятения я у себя так и не обнаружил. Да, стоило мне только остаться одному, в тишине, и закрыть глаза, все пережитое говно разом всплывало, норовя утопить меня в этой зловонной жиже, а тени тошнотворных демонов раз за разом вставали передо мной, не давая сомкнуть глаз, и пытаясь вымотать мне душу. Но у меня был хороший «якорь», я попал во все это дерьмо не от хорошей жизни и совсем не тем путем, каким люди попадают в этот бизнес обычно. Я должен был выживать, заботиться о себе. И как человека сугубо практического, меня и тогда и сейчас больше занимал финансовый аспект, а не сопливые сантименты. В итоге от жопы у меня как-то само собой отлегло и больше не накатывало. Мне просто стало глубоко насрать на всех кроме меня самого. Я не рыдаю по ночам, наматывая розовые сопли на свой маленький трясущийся кулачок, и не вою тоскливым фальцетом в темноту. С тех пор мне и детишек приходилось в брат-

⁴¹ Турбовальный двигатель – двигатель со свободной турбиной, состоящей из двух частей, имеющих между собой только газодинамическую связь.

⁴² «Дженерал электрик» («General Electric») – американская многоотраслевая корпорация (США).

⁴³ Sikorsky UH-60 Black Hawk – многоцелевой вертолёт (США).

⁴⁴ Семейство авиационных турбовальных двигателей (СССР/Украина).

⁴⁵ Семейство вертолетов производства Московского вертолётного завода имени М. Л. Миля.

⁴⁶ Прозвище (жарг.)

⁴⁷ Пулемет калибра.50 (12,7 мм).

⁴⁸ Летающий Макаронный Монстр, пастафарианское божество, впервые описанное в открытом письме, написанном физиком Бобби Хендерсоном в 2005 году.

ской могилке прикапывать, и заживо распотрошенных религиозными фанатиками молодых матерей по частям в ведро собирать. А уж сколько своих коллег, в том числе тех, которых я мог бы считать своими корешами, я вот также прикапывал в окопах в разных частях глобуса, даже не возьмусь подсчитать. Да это мне и не особо интересно, в конце концов, как гласит народная мудрость, наемники не умирают, они отправляются в ад, чтобы перегруппироваться. А значит, даже при самом скверном раскладе с ними все равно все было в порядке.

– Слышал, как люди называли тебя по имени, – пожал плечами молодой и протянул в мою сторону правую клешню. – Меня, кстати, зовут Рик. Рик Рамирес.

Я резко моргнул, отгоняя посторонние мысли и сделал пробный выстрел. Пуля глухо стукнула в висящий в ста метрах напротив меня пустой китайский шлем, пробив обрамленную сеткой трещин дырку на полтора сантиметра выше точки прицеливания, зато почти без смещения по горизонтали. Протянутую ко мне руку я проигнорировал. Я сделал еще один щелчок обрезиненной кнопкой вертикальной поправки. Снова выстрел. Я сплюнул пыль, поднятую с бруствера, нажал кнопку «запомнить настройки» на прицеле, выпрямился и отпустил оружие болтаться на ремне вдоль правого бока, придерживая его рукой за ствол, чтобы не вздумало перевернуться под тяжестью магазина.

В этот момент над зарослями местной «зеленки»⁴⁹ всплыли матово-черные силуэты двух «Блэк-Хокков». Деловито пострекотав хорошенько ухайдокаными моторами, они какое-то время повисели над более-менее расчищенной площадкой, которую мы заранее подготовили, израсходовав львиную долю притащенного на горбах взрывшнура, и, обдав нас разнокалиберным мусором, поднятым с земли тугими воздушными потоками от винтов, плавно опустились в поднятые облака пыли и песка, присев на неожиданно мягко амортизовавшее шасси.

Командиры отделений – Вильнюс, неизвестно каким ветром оказавшиеся с нами здоровенный скандинав Йорг Огмундсон, бритоголовый детина с козлиной бородкой пшеничного цвета, почти такой же габаритный как он финн по фамилии Колемайнен, и еще несколько парней – подтянулись к площадке и, прикрывая глаза козырьками мозолистых ладоней, замерли в ожидании. За их спинами несколько парней, разобрав сектора, встали на одно колено, прикрывая задницы торжественного комитета по встрече.

Двери пылилок съехали в стороны и первыми из образовавшейся квадратной дыры спрыгнул на землю наш майор Кусто, разумно предпочетший руководить своим коллективом с высоты птичьего полета, а следом за ним известный, как оказалось, не только мне одному мистер Смит и давешние пиджаки – цэ-рэ-ушники, что помогали майору проводить брифинг. Из второй вертушки посыпался еще какой-то народец. Ни морпехов, ни частников, ни долбанных ниндзя в трюмах вертолетов не оказалось...

– Они что, с ума посходили? – ни к кому конкретно не обращаясь, буркнул вполголоса стоящий за моим плечом Колемайнен.

Я обернулся на него. Бывший спец из Суоми посмотрел на меня так, будто я должен был быть в курсе, и, не дождавшись от меня никакого ответа, снова устремил взгляд на вертушки. Было похоже, что думали мы с ним об одном и том же. Мечты о том, что с вертушками прибудет подкрепление, рассеялись как дым. И ждать его со следующей волной вертолетов тоже было глупо. Если бы оно планировалось, то навозники-грузовозы прибыли бы на место только после того, как люди закрепятся на месте. Просто на всякий случай. А эти же приволокли начальство сразу. Нехорошее предчувствие начало ползти из кишок вверх по моему позвоночнику.

– Что происходит?

Рамирес подгрел к нам и уставился в том же направлении, что и мы. Финн смерил его взглядом, небрежно ухватив за рукав, поднял ему руки, сжимавшие оружие и развернул

⁴⁹ Заросли кустарника, лесополосы вдоль дорог и лесные массивы, покрытые листвой (жарг.)

чуть в сторону, указав кивком, куда тот должен смотреть. Рамирес послушно вскинул автомат и повернулся к нам спиной, чтобы сканировать свой сектор.

– Начальство принимает работу...

Рамирес обернулся через плечо и непонимающе уставился на меня, потом на Колемай-нена.

– Не понял...

– Та же муйня... – кивнул я соглашаясь.

Летуны с грациозной небрежностью профессионалов повыкидывали из своих бомбовозов какие-то чемоданы, помахали нам на прощание мохнатыми бубенцами и застрекотали восвояси. Мы-то, грешным делом, думали, что они хотя бы привезут нам харчей с патронами. Но мы сильно ошибались. Они привезли только говнарей. Прилетевшие на второй вертушке яйцеголовые похватили свое барахло и прямой наводкой почесали в цеха.

По приказу майора, Вильнюс, непрестанно охреневающий от такой наглости, выделил им для охраны пару ребят из числа разведчиков Йорга Огмундсона, и, насрав на субординацию, принялся брызгать слюной на изрядно нервничающих Смита и Кусто. Те несли какую-то бессвязную брехню и вяло огрызались ему в ответ, растерянно пытаясь поставить его на место. Было видно, что наши мелкие заботы их не особенно волнуют. Жрачки у нас практически не было, а патронов – просто кот наплакал, да и те были по большей части трофейные.

В этот-то момент, как водится, и поперло говнище.

Первые мины прилетели поодиночке. Одна – с недолетом, вторая – с небольшим перелетом. Пристрелочная вилка. Наш народ сразу рванул в окопы. Постепенно, как и полагается, грохотать вокруг стало ощутимо гуще, но все-таки не так, как могло бы. Мы, как самые хитрожопые в мире ублюдки, окопались прямо впритык к проклятому заводу, так что китайцы побо-ялись лупить по нам вслепую во всю мощь. Их артиллеристы вряд ли успели выслать наблюдателей. А если и успели, то им всем уже давно настал пушной зверь, потому что мы были не настолько тупыми, чтобы не выставить охранение и не заминировать все «пустые» подходы трофейными минами и самодельными фугасами, начиненными всякой железной дрянью, найденной в цехах. Нашим гостям таких гостинцев должно было хватить с лихвой.

Я сполз на дно своей ячейки, оперевшись о ее стенку защищенной рюкзаком спиной, чтобы смягчить толчки вздрагивавшей от близких взрывов земли, и принялся ждать. Но мое уединение было прервано самым бесцеремонным способом. В самый разгар обстрела ко мне на бруствер приземлился запыхавшийся Рамирес, с выпученными глазами проорал, перекрывая вой и грохот: «Отступаем, сейчас тут все взлетит на воздух!» и снова усвистал куда-то в сторону заводских корпусов. Ничего не понимая, я скрюченным червячком вылез на бруствер и, пригибаясь ниже пожухлой травы, молясь всем чертям, чтобы не попасть под прямое попадание мины, со всей дури почесал под прикрытие железной мешанины заводских конструкций. Туда, где постепенно стягивался весь наш потрепанный и обозленный народец.

Мат там стоял даже по моим меркам кошерный. Кто-то брызгая слюной и положив болт на дисциплину от души пудовым кулачиной хреначил по морде майора Кусто, кто-то оргастически закатывал глаза, кто-то кусал локти и себе и окружающим, и хватался за сердце с лева и справа обоими щупальцами сразу.

Мистер Смит стоял, прижавшись жопой к чумазой бетонной стенке и, судя по сентиментальной поволоке в задумчивых глазах, мечтал вознестись подобно Христу прямо здесь и, по возможности, незамедлительно. Вильнюс, брызгая слюной себе на бороду и потрясая перед носом Смита своими затянутыми в защитные перчатки кулачищами, танцевал вокруг него какой-то одному ему известный танец и рычал на двух или трех языках сразу.

– Тварь! Паскудная тварь!

Коротким тычком он всадил свой кулачище туда, где у Смита должна была находиться печень, но его кулак наткнулся на бронеплиту. Смит, как надувной детский мячик, отлетел к стене, шлепнулся о нее и отлетел обратно к злому дяде Вильнюсу.

– Вы, суки, обрекли нас на смерть! О чем ты, мразь, думал, играя в свои идиотские игры и скрывая от нас свои чертовы планы?!

Смит гордо смерил его взглядом интеллигентного человека, элегантно блеванул на пол, перевел дух и с достоинством поднял подбородок, украшенный свежей ссадиной.

– Это совсем не наши планы...

Огмундсон, не желая больше бодаться с бронежилетом, молча боднул его кулаком под ребра сбоку. Смит сложил крылья и, словно коршун в пике, рухнул на бетонный пол в свежую лужу собственной блевотины и заткнулся.

Я окинул все это безобразие взглядом, ни хрена не понял, и начал протолкиваться в гущу толпы, откуда доносились нервные икотные рыки нашего майора. Протиснулся между плотно стоящими спинами, и поискал глазами того, кто думал, что он теперь тут за главного.

– В чем дело? – спросил я у стоящего в центре толпы Вильнюса.

Тот на мгновение выпустил Кусто из лап, позволив ему немного отдышаться, прикрыл глаза, с видимым усилием перебарывая вспышку гнева, затем снова открыл их и шумно выдохнул.

– Короче, обрисовываю вам проблему...

Обстрел стал потихоньку стихать, но не прекращался. Дальше ход был за китайцами. По моим прикидкам у них было два варианта. Либо надавить на нас, в связи с чем мы бы все легли минут за пять-десять, либо держать нас внутри, закрыв периметр с помощью минометов. Наш народ уже понял, что что-то у наших работодателей пошло не так, и удерживать этот гребаный завод не имело больше никакого смысла, так что назад в окопы никто не торопился.

Покрытый бетонной пылью и копотью Вильнюс стоял посреди выстроившихся вокруг него кольцом таких же чумазных бойцов и, то и дело переходя с английского на немецкий, толкал свою речь.

– Эти штопаные гондоны, – он кивнул в сторону сложенных штабелями яйцеголовых с наскоро простреленными черепами. – Изъявили желание слазить в заводские подвалы. И, как все мы помним, наши ребята пошли их сопровождать...

Несколько парней завернутых в слепленные на коленке костюмы Гилли⁵⁰, наши разведчики, синхронно кивнули, подтверждая сказанное.

– Там внизу, под нами, оказалось семь этажей, – Вильнюс показал пальцем себе под ноги. – Когда они дошли до последнего уровня и увидели, что там находится, то просрались кирпичами и попытались молча свалить оттуда, бросив нас подыхать. Я понятия не имею, на что они рассчитывали и как они планировали эвакуироваться, но это им почти удалось...

Скауты⁵¹ смущенно опустили глаза. Яйцеголовых поймали ребята из охранения, когда те уже почти доскакали до внешнего периметра. Разведчики лоханулись и теперь смущались, как нецелованные школьницы, прятали глаза и ковыряли землю носками своих ребристых бальных туфель.

– Короче, мужики, это никакой не нефтяной завод.

⁵⁰ Ghillie suit (англ.) – маскировочный костюм, один из вариантов камуфляжной специальной одежды.

⁵¹ Scout (англ.) – солдат, занимающийся полевой разведкой.

Народ, давно почуявший знакомый аромат свежего дерьма, продолжал настороженно ловить носами воздух.

– Давай без театральных пауз, ладно? – попросил кто-то.

В моем брюхе начал сгущаться неприятный холодок, а это был хреновый признак.

– Там, на самом дне, в колодце, залитом бетоном, установлено что-то вроде ядерной бомбы...

Коллектив загудел, кто-то присвистнул, кто-то отчаянно матерился в пол-голоса, с трудом находя новые комбинации хорошо известных слов.

– Хрен ее знает, какой она мощности. Но под бетонную пробку лезут провода от устройства вроде таймера. Таймер этот, похоже, уже тикает и снять его нашими силами не получится.

– Давно он тикает? – поинтересовался я.

– Судя по всему, с того момента, как мы вошли в цеха...

Кто-то в толпе нервно пукнул.

– Времени там, как мы поняли, остались не минуты, а часы, но вы сами понимаете, что для нас с вами это мало что меняет.

Я заткнулся на пару минут и попытался переварить услышанное. Мой мозг пробуксовывал, и выдавать что-нибудь путное отказывался. В голове тикало только одно слово. То, которое начинается на букву «пэ» и обозначает серебристую северную лисицу.

– Это типа здоровенной мины что ли? – выплыл из-за моей спины Рамирес. – СВУ⁵²?

«Рамирес, иди в жопу, – подумал я, – мешаешь думать, придурок малолетний.»

– Это самая натуральная атомная бомба, Рик, воплоти, – прогудел Вильнюс. – Как нам любезно объяснил перед уходом в мир иной один из наших общих знакомых, она работает по очень простому принципу. На одном конце земного шара взрывают такой заряд, а на другом – какой-нибудь мегаполис уходит под землю, превращаясь в жерло вулкана.

Я уставился стеклянными глазами на сваленные в кучу трупы цэ-рэ-ушных технарей и думал о том, что больше всего все происходящее смахивает на горячечный бред сумасшедшего. О таком любят рассказывать в желтых газетках или на телеканалах для людей с плохо заросшим родничком. Вместе с байками об инопланетянах, гигантских крысах в метро и психотронных установках в лесах Подмосковья. Это говно по идее должно отвлекать людей от реальных проблем, переключать их мозг с режима активности на холостой ход, предлагая обдумать несуществующие проблемы. Теперь же это говно вылезло из бездонных недр голубого экрана и, прищурившись как Клинт Иствуд⁵³, нацеливалось своим болтом на мою задницу. Я поднапряг свой черепной мускул, изо-всех сил пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь полезное.

– Взрыв же должен быть подземным, – без особой уверенности начал я. – А тут всего минус седьмой этаж...

Вильнюс поднял свой автомат и потряс им у меня перед глазами.

– Ну, подай на китайцев в суд, е... твою мать! Тебе какая нахрен разница, на какой глубине она зарыта?!

Я не ответил. Даже если бы это чертов подземный взрыв готовили швейцарцы, и закопали заряд на полкилометра вглубь, все равно в проекции его эпицентра на поверхности все бы подошли. Один черт. Но вот свалить отсюда наши шансы немного подросли бы.

– Все равно не должно быть такого распространения волны и излучения, – Рамирес уселся на какой-то ржавый бак и закинул автомат за спину. – У нас появляется шикарный шанс свалить, так ведь? Если мы не будем и дальше тормозить.

Вильнюс кивнул.

⁵² Самодельное взрывное устройство (аббр.)

⁵³ Клинтон Иствуд-младший (род. 31 мая 1930, Сан-Франциско, США) – американский киноактер, кинорежиссер, композитор.

– Понятно, заряд готовили не шахиды, – он мстительно пнул ногой валяющийся на бетонном полу китайский кевларовый шлем, запульнув его куда-то в темноту заводских лабиринтов. – Они оставили себе время на отступление. Наверное, раньше, когда ее заряжали, здесь было дофига народу и техники. Все это надо было как-то эвакуировать. Так что время у нас действительно пока есть.

Когда Вильнюс обрисовал нам план нашего отступления, которое было больше похоже на дикую смесь бегства с тонущего корабля с лобовой атакой, я понял, что здорово продешевил тогда, подписывая сраный контракт в проклятом офисе господина Смита. Единственное, что мне оставалось, так это злорадствовать. Вряд ли этот цэ-рэ-ушный паскудник думал, что судьба так изощренно пнет его по яйцам. Но теперь, изрядно помятый, он стоял на коленях на грязном бетонном полу и клялся маминой правой почкой, что в нескольких километрах в глубине китайских тылов у его группы имелась запасная посадочная площадка для вертолета. И поскольку завод, наша первичная площадка, номинально все еще был под обстрелом, эвакуационная вертушка должна была дожидаться его именно в том районе. И именно туда, скорее всего, пытались свалить технари, когда поняли, что дело пахнет керосином.

Размазывая по карте кровавые сопли своим скрюченным пальцем, Смит показал нам и точку эвакуации и азимут. Ему, конечно, никто до конца не поверил. Но выбирать нам, и без того обреченным на смерть, все равно было не из чего. В конце концов, для нас это был всего лишь вопрос направления движения, а не концепции в целом. К тому же к этому моменту мы вполне, сами того не зная, могли уже быть в замкнувшемся кольце окружения. Подкрепление нам не светило. Разведки, в нормальном понимании этого термина, у нас тоже не было, и относительно истинных планов китайцев мы могли лишь строить предположения.

По итогам мозгового штурма было решено прорываться по кратчайшей дороге, в направлении небольшого заводского городка. В том случае если бы он оказался занят НОАК, мы должны были попытаться уклониться или, если уклониться не выйдет, вступить с ними в бой, используя элемент внезапности и массированный огонь прорваться за его периметр и, отбив отрошенные в процессе хвосты, уйти к точке эвакуации.

На допрос Кенни Смита у нас ушло минут десять от силы. На сборы – не больше трех.

По результатам повторного экспресс-шмона мне удалось разжиться почти нулевым бронежилетом, немного испачканным в крови облегченным костюмом сапера и еще парочкой нужных в хозяйстве вещей. Немного поскулив от начавшей ныть бочины и царапины на плече, я по-быстрому скинув свой распоротый жилет, натянул вместо него трофейный, с титановыми бронеплитами, расположенными по кругу. Это давало мне робкую надежду на то, что большинство пуль даже по нормали ко мне так просто не проберется. Распотрошив бронекостюм сапера, я отчекрыжил от него защиту для нижней части живота и паха, а также толстый броневой воротник с наплечником и перевесил все это добро на одетый на мне жилет, закрепив защиту кишок на ответных пряжках, а воротник на распорках поверх горловины. Сам противоосколочный комбинезон мне пришлось выкинуть. Все равно в нем я не смог бы быстро передвигаться, особенно на жаре. Но даже того, что я оставил себе, было достаточно, чтобы со стороны я стал похож на помесь медведя с танком. Мне было плевать на внешний вид. Я отдавал себе отчет в том, что когда полетит говно, а в городе оно полетит из всех щелей, мы все увидим, кто на самом деле идиот. Вопрос был в том, сколько я смогу со всем этим дерьмом бегать...

Упаковавшись в новую «скорлупу», я навесил на себя карабин, закинул за спину китайскую копию милкоровского револьверного гранатомета⁵⁴, а вдоль ранца прицепил тубус одно-разового ПТГ⁵⁵. Когда я разогнулся, пробуя, как буду двигаться навьюченный, как пуштунский ослик, то увидел, что остальные ребята обвешались примерно так же.

Огневая мощь, скорость и полная олигофрения оставались нашими единственными козырями.

Выстроившись в колонну и выслав вперед разведчиков, мы почти бегом поперли в сторону выбранного проклятого городишки. Через остатки полужасохших лесных дебрей пополам с торчащими из твердой как бетон земли сухими лезвиями непролазной слоновьей травы, достоящей нам по самые яйца. Молодняк и прочие случайные забулдыги пытались поднять хай, что им жарко и вообще отовсюду невкусно пахнет, но старики молча надавали им звездянок и погнали стадо вперед. Времени на уговоры у нас уже не оставалось, да и не практикуется такое в нашем тесном сообществе.

И всего-то через тридцать минут мы на полном ходу влетели в засаду. НОАКовцы пропустили мимо себя наших скаутов и, дождавшись, когда до их секрета⁵⁶ доплетется основная куча нашего мяса, сдетонировали шариковые мины⁵⁷, а потом саданули по нам из автоматов.

Несколько парней тут же замертво рухнули в траву, подняв облака пыли и песка. Дрожащий воздух наполнился дымом и воплями неудачников, нахватавших раскаленных стальных шариков и пуль. Те, кто не был ранен и сохранил способность обороняться, успели залечь и открыли ответный огонь. Наши разведчики, которые проскочили засаду, попытались вернуться и ударить НОАКовцев в тыл, но потеряли почти половину своей группы, отступили и окопались. Наши пулеметчики с самого начала очень удачно растянулись по краям и смогли отсечь китайцев от наших флангов, так что мы относительно спокойно определились с обстановкой, распределили укрытия и надавали тумачков особо буйным пуляльщикам, чтобы не жгли патроны почему зря.

По количеству «треска» и вспышек с противоположной стороны было ясно, что народу с той стороны немного. Скорее всего, это была успевшая перегруппироваться часть того дружного коллектива, что мы выпихнули с завода. Но лежать в траве среди ошалевших от засухи пауков и змей, и ждать, пока у аборигенов выйдет бэ-ка, нам совсем не улыбалось. За спиной тикали часики, а это к особой усидчивости не располагало. Будь ситуация немного покомфортнее, я бы, говно вопрос, предпочел прокатиться на чужом горбу. Но такими темпами вполне можно было остаться на корм местной фауне. Так что, немного поерзав на пузе и поглядев на то, что творилось вокруг, я на четвереньках, стараясь не подставить голову под пулю, поскоблил к Вильнюсу, неся ему в клювике рационализаторской предложение.

Вильнюс лежал на пузе в небольшой балочке, старательно контролируя то, что контролю поддавалась чуть меньше чем нихрена. Взвалив на себя неблагодарное бремя командира, теперь он хлебал повалившееся на нас дерьмо по полной. Я подобрался к нему, плюхнулся плечом на склон укрывшего нас кювета и заглянул в его украшенные сеточкой воспаленных сосудов глаза.

⁵⁴ MGL (от англ. Multiple Grenade Launcher) или M32 Milkor – ручной многозарядный полуавтоматический гранатомет калибра 40×46 мм, производится по лицензии корпорацией «Norinco» (КНР).

⁵⁵ Противотанковый гранатомет (аббр.)

⁵⁶ Секрет – орган сторожевого охранения (патруль или сторожевой пост), имеющий задачу своевременного обнаружения противника и сообщения об этом высланному его командиру.

⁵⁷ Противопехотная осколочная управляемая мина направленного действия.

– Поправь меня, если я заблуждаюсь, босс, – начал я, отплеываясь от поднятой моим приземлением пыли. – Мы в говне?

Он ничего не ответил, только продолжил играть желваками, не зная как выплеснуть накопившийся гнев.

– Если все так печально, давай я пробежусь у них по тылам, – закинул я ему удочку. – Все равно, в случае чего, ты ничего не потеряешь. Чего зря сидеть всем скопом?

Вильнюс покрутил головой, оглядывая свою паству, и пытаясь как можно быстрее прокатать имевшиеся варианты. Расклад у него, судя по всему, получался не особо оптимистичский.

– Давай, – наконец согласился он. – Все равно все тут подохнем...

– Не подохнем...

За моей спиной поднял пыль приземлившийся рядом с нами Рамирес. Парень был возбужден, но на удивление собран. Мне это понравилось, я даже решил, что он не настолько безнадежен, как можно было подумать.

– Просто надо шевелить задницами, а не высиживать яйца, как долбанные пингвины! – продолжил он за меня. – Пошли меня с Лазарем, босс...

Я покивал головой, соглашаясь с парнем. Вильнюс посмотрел на нас своими покрасневшими от пыли и напряжения глазами, кивнул и принялся гавкать на наших колдырей.

По сигналу весь наш народ долбанул по кустам, в которых сидели НОАКовцы, а я с увязавшимся за мной Риком на хвосте рванул в заросли, забирая в сторону, и заходя по крутой дуге к аборигенам во фланг. Как это ни странно, мы не спалились, и наш рассчитанный на глазок маневр удался. Ведущие плотный огонь китайцы прохлопали нас с Рамиресом, и мы с ним кое-как вышли на нужное направление. Аккуратно раздвигая тонкие высушенные до состояния соломки бамбуковые стебли и чертову траву, мы двинулись по направлению к позициям НОАКовцев. Но едва мы погрузились в гребаные заросли на пару десятков метров, как почти сразу столкнулись с их фланговыми дозорными. Их было всего двое, совсем еще пацаны. Но это грозило нам потерей единственного преимущества, которое у нас было, что, в свою очередь, отправляло весь наш план с фланговым обходом напрямик в сортир. В сущности весь мой расчет был основан только на внезапности и скорости.

Чтобы не потерять и без того стремительно ускользающий напор, я, как тепловоз, попер вперед, прямо на этих бедолаг, на ходу наращивая темп. Шум от моего передвижения уже нельзя было скрыть, так что я ломился как медведь-шатун, проламываясь через то, что было лень обходить.

– Шен Ме⁵⁸? – от неожиданности пролепетал НОАКовец, который находился ближе ко мне, чем его напарник. Он обернулся в мою сторону и, словно не веря своим глазам, начал медленно поднимать на меня автомат.

Я на автопилоте поднырнул левой рукой под автомат, уводя его ствол в сторону, ухватился за рукоятку закрепленного у меня на груди штык-ножа, в одно движение выдернув его из ножен, и вогнал его китайченку в горло слева направо. Приклад его автомата, в последнее мгновение нацеленный им мне в рыло, только скользнул по толстому ободу воротника и никакого вреда мне не причинил. Не будь на мне этого воротника, парень снес бы мой кадык или сломал мне челюсть. Сам паренек смог лишь выдавить из себя невнятный сиплый писк, заорать в голос ему мешало торчащее в трахее лезвие моего ножа. С шагом долбанув закатившего глаза мертвеца в грудь ногой, чтобы отцепить ее от моего штыка, я повернулся в ту сторону, где должен был стоять второй караульный. Я не особенно надеялся, что Рик сможет отработать по второму китайцу врукопашную. Не каждому по нутру вот так, голыми руками, отрезать людям головы. Но паренек приятно обманул мои ожидания. Когда я довернул свою башню, то увидел,

⁵⁸ Что? (перев. с манд.)

что на том месте, где еще полсекунды назад стоял караульный, на корточках сидел Рамирес, а под ним, рефлекторно подпрыгивая ножкой, безжизненно лежал остывающий китаец. Рядом с ними лежал автомат, из которого никто так и не успел выстрелить. Рик мельком взглянул на меня, быстренько обвел взглядом пространство у меня за спиной и несколькими движениями обтер о штанину кровь с лезвия ножа. Я тоже убрал свой свинопор в ножны, перехватил карабин, подняв приклад в плечо, и, теперь уже стараясь не шелестеть, двинулся к поваленному бревну, лежащему перпендикулярно к предполагаемой лежке основной группы НОАК.

Мы вышли на позицию как раз вовремя. Наши меняли в пулеметах ленты – уж очень долго мы с Риком ползли по кущам – и китайцы стали приподниматься со своих насиженных мест. Но тут уже мы с Рамиресом долбанули им во фланг с двух стволов. Я даже не стал тратить гранаты для «барабана», просто расстрелял один за другим два тридцати-патронных магазина. А когда воткнул третий, все уж было кончено. Вонючий пороховой перегар понемногу рассеялся, и мы смогли разглядеть плоды наших с Рамиресом стараний. На смятой траве, в неглубокой балке, щедро присыпанной стреляными гильзами и еще непочатыми боекомплектными, лежали солдатики в китайской военной форме. Осторожно ступая, я прокрался среди мертвяков, подбирая между делом подходящие непочатые магазины под пять-и-восемь⁵⁹, и стараясь не пропустить еще не испустивших дух клиентов. Но подранков, на наше счастье, мы с Риком не наделали и в спину нам никто так и не выстрелил.

Зато среди наших алкашей появились потери. С дюжину парней откинули коньки на месте, и еще семь человек были серьезно ранены. Все это вносило в наши планы серьезные коррективы. К тому моменту, как мы с Рамиресом появились из кустов, мужики, что поопытней, уже сварганили носилки для тех, кто не мог стоять на ногах, и оказывали раненым первую помощь. Возможно, нам и стоило бы их всех бросить к чертовой матери, но здесь возникал уже вопрос недостаточной численности. Нас и так было с гулькин хрен, а в плане подвигов на день у нас еще был штурм городка на три с хреном тысячи человек. Так что стрелки, пусть и битые, но способные даже лежа держать в руках оружие, нам все еще были очень нужны.

Раненые это понимали и налегали на весла изо всех сил, стараясь не быть для остальных обузой. Битая, пропыленная, истекающая потом и кровью толпа снова поднялась на ноги и, волоча на себе все то, что само идти не могло, понеслась дальше.

Такого обреченного и богом забытого городишки я не видел даже на Ближнем Востоке. Проклятая китайская пустыня, давно уже вырвавшаяся за пределы Такла-Макана и продолжавшая расти дальше, словно чертов грибок, подобралась к нему почти вплотную, так что теперь густо припудренные песком бетонные стены стоящих рядами домиков высотой в три этажа были единственным препятствием на пути песчаных барханов к пожухлой зелени умирающих джунглей. Сообразительные аборигены обнесли свои пенаты чем-то вроде забора – бетонным кольцом около метра высотой. А на том участке, где прорыв враждебной пустыни был наиболее вероятен, они дополнительно наворочали мешков, заполненных песком.

Над безжизненной пустыней, далеко-далеко на горизонте, маячило фиолетово-синюшное море. Что именно там так фонило, было страшно даже подумать.

Не дожидаясь особого приглашения, я достал из ранца пластиковую коробку аптечки и закинул в рот таблетку цистамина⁶⁰. Так у меня появлялась хотя бы иллюзорная надежда не сдохнуть от лучевой болезни. Отпив немного воды из фляги, так, чтобы не булькала потом

⁵⁹ 5,8×42 мм – промежуточный патрон DAP-87 (с 2010 г. – DBP-10) (КНР).

⁶⁰ Цистамин (C₄H₁₂N₂S₂) – вещество-радиопротектор, ослабляет негативное воздействие ионизирующего излучения на организм.

в желудке во время движения, я уселся за валуном, торчащим на склоне холмика с нашей стороны. Оттуда я мог видеть и город, в который нам предстояло спуститься, чтобы попытаться пройти его насквозь, и нашу потрепанную банду.

За соседним кустом, перед взмыленным Смитом сидел на корточках Вильнюс и что-то ему втирал. Рядом, участливо тыкая цы-ры-ушника пистолетом в затылок, сидел Колемайнен с несколькими ребятами из его ближайшего окружения. Смит некоторое время тыкал в карту трясущимися пальцами, что-то им объясняя, а потом обессилено сник и уставился в никуда пустым, безжизненным взглядом. Мужики еще с минуту о чем-то говорили между собой, а потом Вильнюс приподнялся и прошуршал в мою сторону.

– Как тихо, да? – кивнул он в сторону лежавших внизу наполовину занесенных песком городских улиц.

Я молча кивнул вместо ответа. Вильнюс встал рядом со мной на колени и из-под сложенной козырьком ладони оглядел панораму городка, начинавшегося прямо у подножия холма, на обратном склоне которого мы сидели.

– Ловушка?... – произнес он, словно ни к кому конкретно не обращаясь.

– Почти наверняка, – также, в пустоту, ответил я.

С высоты пригорка, на котором мы сгрудились, городок выглядел вымершим, как гребаный мамонт. По улицам не бродили даже кошки. Вполне могло случиться так, что их всех давно сожрали, но хоть что-то живое должно было там остаться? Однако все было тихо.

Вильнюс подвис на какое-то время, обсасывая роящиеся в черепае мысли.

– С балластом мы здесь не пройдем, – тихо произнес он. – Придется их бросить...

– Совесть имей, босс...

Я отвернулся от него и уставился на покрытые желтой пылью стены. Старая – добрая песчаная дрянь. Как много этого дерьма было в моей жизни за последние годы, не передать. У меня было ощущение, что люди уже лет двадцать подряд воевали только там, где под ногами был песок. А я уже ненавидел каждую его песчинку, забившуюся в мои ботинки, и буквально пропитавшую мои носки и подштанники.

Вильнюс хмыкнул. Я не глядя на него пожал плечами и почесал себе яйца через штанину. В конце концов, ему заплатили три штуки за квалификацию. Ему и предстояло их отработать...

– Надо поднять шум, – снова включил мозги Вильнюс. – Тогда можно попробовать прошмыгнуть по самому краешку. Может быть...

Он достал из-под своего жилета планшет с картой и сунул его мне под нос. Что-то подсказывало мне, что кандидата для этой неблагодарной работенки он для себя уже определил.

– В нашем распоряжении есть две площадки на выбор...

Вильнюс заглянул мне в глаза, пытаясь понять, слушаю я его или нет. А я подумал, как интересно все обрастает подробностями. Вот уже и вертолетных площадок оказалось две. Интересно, что еще новенького всплывет по ходу дела? Я бы обрадовался, если бы выяснилось, что в моем контракте пропустили нолик в сумме гонорара. Или если бы китайцы забыли вставить в свою адову бомбу батарейки...

– Основной отряд пойдет вот сюда, – он ткнул пальцем с грязным, сломанным ногтем в окраину города с той стороны, где находились остатки джунглей. – А группа прикрытия – вот сюда.

Я проследил за его пальцем. Его заскорузлый кончик застыл примерно в километре в глубине пустыни. Это было даже не смешно. На открытой местности отряд прикрытия, то есть и меня в том числе, перебили бы как мокрых куриц. Хотя, конечно, так становилось проще отсечь хвосты огнем с вертушки... Но это лишь в том случае, если эта вертушка вообще была в планах. А ни в этом, ни в чем-либо другом я уже не был уверен.

– Сделаешь доброе дело?

– Давай, – пожал я плечами с притворным равнодушием. – Только Смит пойдет со мной...

Вильнюс вопросительно поднял брови. Было похоже, что та часть, где я подыхаю, его вполне устраивала, но та часть, на которой настаивал я, ему нравилось значительно меньше.

– На кой черт тебе нужен Кенни?

– Мля, серьезно, его еще и Кенни зовут? – фыркнул я.

Ушлый звездюк не обратил никакого внимания на мою реплику. Наверняка он все прекрасно понял и без моих пояснений. Мне был нужен заложник. Причем такой, который сможет гарантировать, что чертова гребаная вертушка обязательно появится. И Кенни, мать его, Смит подходил на эту роль лучше всех.

Я снова равнодушно пожал плечами.

– Можешь считать это моим маленьким предсмертным капризом, босс...

За мной как-то уже обещали вернуться. За мной и еще пятерыми отличными парнями. А потом из нас шестерых остался я один и неделю перся через бурелом по раскисшей весенней жиже, затыкая дырки от пуль медвежьим говном и паутиной. Но урок был усвоен, и теперь я не был таким легковверным. Зато я был на сто процентов уверен, что офицер Кенни Смит ни разу не был самоубийцей. Это было хорошо видно по тому, как он, пища и царапаясь, цепляется за свою никчемную жизнь. Он вызовет мне вертушку второй раз. Как миленький вызовет. И она вернется за мной на запасную площадку. И я полечу домой тратить свои кровно заработанные крохи.

– Ладно, как скажешь, – Вильнюс хлопнул меня по плечу и повернулся к мужикам, семафора им команду «подъем».

Больше часа мы с Рамиресом носились по жидким, вусмерть пересохшим перелескам, уводя китайскую мотопехоту прочь от города. Сколько мы накрутили НОАКовских котлет, подсчитать было уже невозможно, но счет в нашу пользу был очень приличный. И это при том, что все гуро⁶¹ мы устроили втроем, если считать семенящего за нами на коротком поводке Кенни Смита. Из всей нашей шоблы со мной увязался только Рик Рамирес, которого я и не особенно-то отговаривал от такого опрометчивого поступка. Прочие господа благоразумно предпочли драпать в сторону вертушек и их трудно было в этом винить. Во-первых они тащили на себе раненых, а во-вторых такая малочисленность, как я и предполагал, сыграла нам на руку. Мы маневрировали так, как не смогло бы ни одно пехотное подразделение более-менее приличного состава. Китайские вояки просто не успевали на нас реагировать, как ни пытались. А замес мы с Рамиресом, надо сказать, устроили знатный, по всем правилам военного искусства.

На самой окраине городишки, встав на один борт, догорала потерявшая бдительность гусеничная коробочка⁶², ошестинившаяся крупнокалиберными пулеметами. Нам пришлось истратить на эту тварь наш единственный ПТГ, иначе от нее совсем не было никакого житья. Гранаты для «барабана» у меня кончились еще раньше.

Первую волну, состоявшую всего лишь из нескольких человек, которые «клюнули» на наше появление, мы расстреляли, словно в тире. Вторая волна была гораздо солиднее, поэтому этих ребят мы навели на заранее расставленные мины. Все было сделано как написано в умных книжках. Но потом настало время целой череды небезопасных для здоровья экс-

⁶¹ Японский псевдоанглицизм (васэй-эйго), описывающий направление в литературе и искусстве Японии, характеризующееся наличием сцен с расчленением, каннибализмом, сексуальным насилием и т. п.

⁶² Бронемашина (жарг.)

промтов. Когда мы, передвигаясь по фронту, начали дубасить по НОАКовцам из оставленных нам «Тип 67», они окончательно поверили, что с нашей стороны будет прорыв и рванули нам на встречу. За это время наши ребята немного отошли в тыл, заложили широкую дугу и, таща на себе раненых, сирых и убогих, ушли по направлению к посадочной площадке. И только потом, увидев, что потрепанные тушки четырех «Сикорски» нырнули куда-то за маячащие вдалеке повядшие кроны деревьев, наши преследователи наконец сообразили, что их поймали, рванули обратно в кущи, но было уже слишком поздно. Вертолеты выпрыгнули из умирающих джунглей и скрылись в дымке.

Убедившись, что вертолеты ушли, даже не поцарапав себе задницу, я хлопнул Рамиреса по плечу и махнул рукой, предлагая отступить. Мы прекратили огонь и, бросив в песок дымящиеся и грозящие рассыпаться на части шестьдесят-седьмые, тихо ушли в дебри, прихватив стоически перенесшего этот бой Кенни. Правда ушли мы не вглубь территории, а немного в сторону. Попетляв немного среди оставленных на этот случай растяжек, мы развернулись, залегли и огляделись. НОАКовцы ушли в ту сторону, куда нам и было нужно. Я не сомневался, что Вильнюс перед тем, как свалить, оставит им пару гостинцев, так что китайцы еще какое-то время должны были быть заняты, собирая свои кишки с деревьев.

На пару с Рамиресом мы по-быстрому проверили толстый бронежилет, в который был запакован Кенни, сунули ему в потные ручонки трофейный Тип-92⁶³, чтобы было из чего застрелиться если его возьмут-таки за задницу, и понеслись вниз по склону горы, словно двое олигофренов с верной горжеткой на поводке. Наш план был форменным идиотизмом, но при всей своей дебиловатости, это был лучший вариант из всех возможных – мы ломанулись напрямиком в город. Прямо на узенькие улочки, под тень щербатых стен, засранных песком и пылью домов, и под пули засевших на крышах снайперов.

В принципе, это было значительно лучше, чем оказаться в кольце, под огнем поисковых групп, которые гонялись за нами, или ушли догонять наших «туристов» на пути к вертушке, но должны были рано или поздно очухаться и задавить нас, как сраных клопов. Плюс, в случае, если наш план дал бы трещину, а я не сомневался, что так оно и будет, в городе всегда можно было попытаться укрыться и занять круговую оборону, чтобы продать свои шкуры как можно дороже.

Подгадав подходящий момент, мы выскочили из джунглей, скрытно обошли один из секторов, который за нами охотился, и, перемахнув через бетонный пескореж, стараясь не топтаться по торчащим из дорожной пыли взрывателям противопехотных мин, вывалились на первую попавшуюся улочку. Я пер передовым, Рамирес держал наш тыл. Мистер Смит, как особо важная персона, был зажат между нами. Двигаясь таким паровозиком, мы миновали первый патруль без особых проблем, вовремя заскочив в переулок, заставленный каким-то гнильем, коробками, ящиками и прочей муйней. Со вторым пришлось немного повозиться, но нам все-таки удалось аккуратно их снять, подловив их у мусорных контейнеров, в переулке, утянув в тень и по-тихому свернув им бошки на бок. Что характерно, цэ-рэ-ушный глистопер Кенни, даже глазом не моргнув, когда мы с Рамиресом подкрались к щелкающим клювами китайцам и прикончили их как курей на птицеферме. Я прекрасно понимал, что долго такое безобразие продлиться не могло, поэтому совсем не удивился, когда на третьем патруле наше везение вполне предсказуемо закончилось и мы, наконец, спалились по полной программе. Поднялась пальба, и нам пришлось поджав хвосты драпать под прикрытие каменных стен и непростреливаемых мертвых зон, на бегу огрызаясь беглым огнем.

Какое-то время мы еще сохраняли возможность немного передвигаться вдоль пустых улиц. Но это передвижение было больше похоже на постоянный поиск укрытия, способного уберечь и от обнаружения, и от обстрела. Любое окно или срез крыши могли оказаться огневой

⁶³ Полуавтоматический пистолет Type 92 (QSZ-92) кал. 5,8х21 (5,8 DAP-92) (КНР).

точкой, поэтому сечь за ними приходилось особенно тщательно, чтобы не стать жертвой пули снайпера или очереди из пулемета. Так, передвигаясь стремительными короткими бросками от одного убежища до другого, мы шли до тех пор, пока нас не накрыли окончательно.

Стараясь не терять, на сколько это возможно, заданный изначально темп, мы прошмыгнули следующую улицу, то здесь, то там сбивая с крыш заборзевших снайперов и разбрызгивая по стенкам тех, кто рискнул подобраться к нам по низам. Рамирес все также оставался в арьергарде⁶⁴, прикрывал наши спины, по мере необходимости перебрасывая огонь туда, куда нужно. Но, со временем, двигаться стало вовсе невозможно. Нас поливали из всего чего только можно, как газон из шланга, в воздухе, казалось, было черным-черно от косяков летящих в нем пуль. Мы стали отползать туда, где можно было укрыться. Пытаясь хоть как-то усилить бронирование, Рик сорвал с петель боковую дверцу у пылившейся на обочине малолитражной развалюхи, и, используя ее как импровизированный штурмовой щит, кое-как прикрыл наши задницы, не столько от летящих со всех сторон пуль, сколько от выбиваемых ими из стен и грунта осколков бетона и камней. В какой-то момент, одурев от постоянного грохота и ударов в дверцу, которую он держал на предплечье левой руки, он попытался поудобнее перехватить свой щит, и получилось так, что это чуть не стоило мне жизни.

Какая-то конская пуля долбанула меня в переднюю плиту жилета, и я, слегка забалдев, всей тушей растянулся на земле, полулежа на собственном раздутом до безобразия ранце. В глазах у меня плыли радужные круги, в ушах стоял гул, а сбитое дыхание никак не хотело восстанавливаться. С воплем «Мля!», перекрывшим грохот боя, Рик подскочил ко мне, но тут же сам получил несколько пуль в наплечник жилета и завалился рядом. На подневольного, по сути, Кенни рассчитывать было глупо, этот изворотливый скунс едва успел сигануть за маленький грузовичок, забитый коробками с торчащей во все стороны капустой и еще какой-то ерундой, и замер, прикинувшись штопаным шлангом.

Понимая, что жить мне остались считанные секунды, сидя на жопе посреди дороги, как белый медведь в снегу, я извернулся, как мог, и залез в боковой карман ранца за дымовой гранатой. Рамирес огрызался, едва успевая отстреливать желающих на нас посмотреть, а я аккуратно вытянул чеку непослушными, онемевшими пальцами, дождался, когда жестянка начнет распускать свой ядреный смрад, и неуклюже вывалил ее нам под ноги, постаравшись откатить ее подальше под ветер. Стандартная шашка должна распускать шлейф примерно секунд за пять. Слишком долго, когда ты сидишь под обстрелом. Закончив, я пнул Рамиреса ботинком в жопу и не вставая перекатился подальше от того места, где мы отдыхали. Через мгновение там, где мгновение назад лежал я, начал визжать расстреливаемый асфальт. Под прикрытием дыма, кашляя как два туберкулезника, мы взгромоздились на четвереньки и проковыляли под стену ближайшегодомишки. Прихватив трущего глаза Кенни за шиворот, чтобы не пытался отставать, я ломанулся внутрь этой хибары через дыру, оставшуюся от взрывной разбитой шальными пулями стеклянной двери.

Мелкая стеклянная крупа посыпалась мне за шиворот, когда я, пролезая в проем, задел верхом шлема висящие в раме остатки былой роскоши. Внутри было темно, как у черта в заднице, на полу валялась поломанная мебель, телефоны, факсы и клавиатуры. На вид здание казалось какой-то конторой или офисом мелкой компании, плохо пережившей неудачный ремонт или спешный переезд. Окна повсюду были затянуты толстой полиэтиленовой пленкой, поэтому что там творилось снаружи можно было лишь попытаться угадать. Я оглянулся через плечо и заметил, что за этой чумазой пленкой сразу же начали мелькать сгорбленные тени. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что наши загонщики собирались штурмовать наше утлое укрытие, и стягивали под стеной бойцов.

⁶⁴ От фр. *arrière-garde* (тыловая охрана) – термин, означающий в военном деле войска прикрытия.

Чтобы окончательно не потерять преимущество, мы быстро приладили под дверь простенькую растяжку из взрывателя от противопехотной мины и трофейной китайской взрывчатки типа «Семтекса⁶⁵», и ушли немного вглубь приютившей нас хибары. Пока мы линияли по извилистым коридорчикам с низкими потолками из дешевых пористых панелей, я лишь мельком взглянул на запаянную в пленку карту, без спроса прихваченную мной у Вильнюса, и тут нам в спины ударила тугая волна от взрыва, выворотившего помещение, которое мы только что покинули, наизнанку. Смит рухнул на колени, не удержавшись на ногах, и принялся трясти головой, пытаясь вытряхнуть обратно свои барабанные перепонки. Не будь на нас с Риком наушников, плакали бы наши уши вместе с ушами Кенни. Я поднял ушлепка обратно на ноги и несколькими пинками скорректировав движение нашей разом оглохшей банды в нужном направлении, двинул вслед за ними, постоянно озираясь через плечо на заволоченное дымом черное нутро коридора.

Шуруя по пустым кишкам здания, мы сходу вышибли несколько преграждавших нам путь дохленьких дверей, проскочив эту чертову хибару насквозь до тех пор, пока она, наконец, не кончилась. Когда бежать больше стало некуда, я остановился и устало опустился на жопу, устроившись под тоненьким пластиковым подоконником крайнего окошка, используя короткую передышку, чтобы бегло проверить свой карабин и посчитать оставшиеся патроны. Взрыв на входе немного поубавил прыти у НОАКовцев, так что эти несколько секунд можно было использовать для того, чтобы немного прийти в себя. Бредший следом за мной Кенни не стал долго искать место для отдыха и просто рухнул на пол посередине комнаты. Замыкавший нашу процессию Рамирес сполз по стенке рядом со мной и вопросительно уставился на меня. Парень, похоже, был уверен, что у меня есть ответы на все вопросы. Реальность здорово его огорчила бы, знай он, как дела обстоят на самом деле. Дядя Лазарь внезапно оказался из такого же дерьма и мяса, что и все остальные, чем, похоже, сильно всех раздосадовал. На Кенни мне было насрать с высокой колокольни, он, гаденыш, сам нарвался на неприятности, и его жизнь интересовала меня только с точки зрения гарантий собственного выживания. Согласно моей внутренней классификации, он был вполне себе расходным материалом, вроде туалетной бумаги. Подтерся и выкинул. И я бы с удовольствием так и сделал, если бы не нужда изнасиловать его на предмет эвакуационной вертушки. А вот Рамирес, молодой дурак, здорово встрял, увязавшись следом за мной. Тогда я видел ситуацию по-своему и думал, что будет очень некрасиво, если этого безмозглого шнурка пристрелят, пока он будет по-собачьи заглядывать мне в глаза.

Я прижался хребтом к стенке, вывернув шею пошарил глазами по улице сквозь загаженное полупрозрачное окно, убедился, что к нам никто не собирался вломиться, и пихнул Кенни стволом карабина в бочину.

– Давай, зови своих летунов.

Кенни начал послушно копошиться со своим насквозь пропыленным коммуникатором, вызывая на связь пилота вертушки, а я снова вытянул из-под жилета заламинированную карту, и сперва сунул ее под нос Кенни, показывая куда надо звать вертолет, а потом передал ее Рамиресу. Парень быстро сориентировался, прикинул где мы, откуда и куда нам предстояло двигаться, и коротко кивнул в ответ.

Все время, пока мы драпали через окраины этого городишки, я четко придерживался заранее выбранного направления – строго в «песочницу». Так что теперь, чтобы добраться до окружавших обитаемый островок пескорезов нам всего лишь оставалось пересечь две параллельные улицы. А затем перемахнуть через ограждения и уйти в пустыню хотя бы на один километр, чтобы местные вояки не смогли добраться до вертушки. Я показал Рамиресу то место, где по моим прикидкам сидели мы, провел пальцем по предполагаемому маршруту

⁶⁵ От чеш. Semtex – один из видов пластичной взрывчатки, действующие взрывчатые вещества – пластифицированный ТЭН и гексоген, производства компании Explosia (Чехия).

и, в конце траектории, обвел небольшой пяточок в песках – нашу предполагаемую конечную остановку. Рамирес только посмотрел, не раскрашено ли это место в пустыне красной «сеточкой» радиоактивного заражения, и кивнул головой еще раз, обреченно соглашаясь.

– Давай попробуем...

Я заглянул ему в глаза, чтобы убедиться, что он все еще адекватен, и ободряюще хлопнул его по плечу. Было видно, что парню перестала нравиться вся эта затея с отвлекающим маневром и партизанскими плясками вокруг своры злобных НОАКовцев. Но он снова устало ответил мне ободряющим кивком, и я повернулся к Кенни.

– У тебя все готово?

Кенни уже прятал свою звонилку куда-то за пазуху.

– Так точно, – он закончил возиться в карманах и по-военному одернул полы одежды. – Расчетное время двадцать минут.

Рамирес заглянул через мое плечо, сверился с картой и недовольно цыкнул зубом. Времени было слишком много. До места randevу мы даже по самым пессимистичным прогнозам должны были добраться раза в полтора быстрее. И еще почти десять минут нам оставалось петлять по барханам и каким-то образом сдерживать прущих из всех щелей НОАКовцев. В то же время, оставаться и сидеть на прежнем месте было для нас самым натуральным самоубийством. Я не сомневался, что к тому времени китаезы уже закончили наше блокирование.

– Сидеть здесь все равно больше нельзя, – озвучил мои мысли Рамирес. – В конце концов, если они такие ссыкуны, они просто взорвут это здание ко всем ебням вместе с нами.

Я кивнул в ответ. Бедолага Кенни молча смотрел на нас по очереди, переводя глаза с меня на прямо на глазах заматеревшего латиноамериканца, и, наверное, гадал, переживет ли он наше знакомство или все-таки нет.

– Тогда нам надо двигать дальше...

Я кивнул, соглашаясь, и полез к себе в рюкзак. В наличии у нас оставалась еще пара кусков трофейной пластифицированной бодяги, заранее нашпигованной ржавыми болтами и гайками, и с установленными дохленькими радиодетонаторами, пара дымовых шашек и несколько ручных гранат. Все что могло понадобиться для не слишком долгой, но очень шумной жизни. Я накидал на колени сидящему на корточках Рамиресу поделенные пополам хлопушки, подключил питание к детонаторам и вывел их на единственный у нас пульт-радиовзрыватель.

А потом мы сорвались с места с максимально возможной внезапностью. Резко и неудержимо – прямо как приступ поноса посреди ночи.

Пластиковая оконная рама вылетела, как «фонарь» пилотской кабины во время катапультирования. Ее осколки еще кувыркались в воздухе, а мы уже десантировались на пыльный, покрытый песком асфальт по ту сторону стены. Приземлившись, мы прижались поближе к земле и почесали прочь от этой хибары. Через секунду вслед нам защелкали одиночные выстрелы, потом кто-то заорал на птичьем языке, и по нам, наконец, долбанула первая нервная очередь.

Не дожидаясь, пока китайцы начнут долбить по нам из всего, что у них было, мы нырнули в проулок по направлению к параллельной улице. По дороге я щелкнул тумблером, ставя на боевой взвод один из зарядов, и скинул его на землю позади себя. Теперь шансов свинтить по-тихому у нас все равно не было. Зато была возможность основательно потрепать своим преследователям нервы.

Последняя улочка, отделявшая нас от кольца пескорезов и всепожирающей пустыни, по какой-то непонятной причине оказалась практически неприкрытой. Поперек проезжей части там стояла оставленная скорее ради приличия, нежели для практических целей, одна-единственная «коробочка», слепленная по образу и подобию чего-то штатовского. Наверное, местные вояки посчитали маловероятным, что хоть какой-нибудь идиот по собственной воле попрет в радиоактивную пустыню, и даже не прикрепили к «коробочке» хоть немного пехоты,

сконцентрировав ее там, где мы наделали больше шума. В иных обстоятельствах это было бы не лишено смысла, но сейчас только сыграло нам на руку.

За один заход мы все вместе перебежали эту чертову дорогу, скрывшись в переулке от разом ожившего БТР, который заревел двигателем, поднимая облака черного солярного выхлопа, и попытался долбануть нам вслед из тридцатимиллиметровой автоматической пушки, но лишь покрошил углы у низкорослых, словно вросших в пыльный асфальт, двухэтажных хибар. Каменное крошево долбануло нам в спины, но не смогло сильно нам навредить, едва припудрив нам корму. Кенни, который был у нас бронирован слабее всех – на нем был только толстый жилет и шлем – по-прежнему оставался стиснут между нами, и тяжелые бетонные ошметки с острыми краями до него практически не долетели, оседаая на наших с Риком хребтах и затылках.

Обернувшись на бегу, я увидел, что в переулке, который мы прошмыгнули первым, уже группируются вояки. Решив, что ничего хорошего они там замышлять не могли, я скинул предохранитель на радиовзрывателе и несколько раз продавил гашетку. В переулке сдавленно гроыхнуло, вдоль асфальта и, частично, в небо над крышами ударило облако черного дыма, со стен посыпались вниз водопады из штукатурки и пыли. Кто-то, кого угораздило не сдохнуть сразу, орал благим матом. А мы, не останавливаясь, преодолели оставшиеся метры, выскочили из густо-черной на фоне палящего солнца тени переулка, и почти на четырех ногах прошмыгнули узенькую асфальтированную рокаду⁶⁶, окружавшую городок по периметру. Поднимая облака песка и пыли, мы перевалились через пескореz на ту сторону и замерли.

Где-то за домами все также ревел движком рассерженный БТР.

– Сейчас он должен вылезти в конце улицы, – Рамирес выглянул из-за верхнего среза пескореzа, ничего, судя по всему, не разглядел и нырнул обратно. – Или высунет рыло в щель между домами...

– А вот хрен ему!

Я вытянул из подсумка дымовую гранату, выдернул чеку и метнул ее так, чтобы шлейф растянулся вдоль рокады и отсек нас со стороны этого долбаного переулка и неутомонной «коробочки». Пока брошенная мной жестянка шипела, распуская свой серый хвост, а мы перекуривали за бетонным кубом, не рискуя высовывать головы, я навесил в кишку между домами одну из двух оставшихся у меня осколочных гранат. Удачно упавшая стальная сфера долбанула где-то в глубине переулка, так что взрывная волна даже не вышла за его пределы, и наш пока еще жиденький дымок даже не шелохнулся. А когда шлейф более-менее устоялся, мы оцетинились стволами, встали на четыре ноги и, пятясь задом-наперед, начали отгребать в пустыню.

Я мельком глянул на часы. Ждать, по идее, оставалось всего ничего. Но НОАКовским воякам, окажись они хоть чуть-чуть поэнергичнее или просто получше обучены, этого хватило бы по самые уши.

Рассчитывая на то, что дым даст нам немного времени, мы чесали по песку, стараясь не потерять заданного направления. А в это самое время, деловито водя тонким хоботком своей автоматической пушки, из параллельного нашему проулка осторожно вырулил давешний БТР. Фыркнул двигателем, остановился, извергнув напоследок облако солярного выхлопа, и даже не поставив завесу, начал наугад постреливать в нашу сторону из спаренного с пушкой пулемета. Вокруг этой колымаги тут же залегла пехота. И уже через секунду тональность поющих то справа, то слева от нас пуль изменилась. Теперь они, визгливо взрыкивая, ложились практически по нам.

Быстро смекнув что к чему, мы тут же развернулись на сто восемьдесят градусов, и зарылись мордами в песок, прикинувшись верблюжьей отрыжкой. А пока мы обустривались среди

⁶⁶ Рокадный путь (от фр. *gacade* «объездная дорога») – дорога в прифронтовой полосе, проходящая параллельно линии фронта.

песка и жуков, китайцы начали стягиваться к пескорезам, явно готовясь к прочесыванию. Оставались жалкие мгновения до того момента, как они, переборов страх перед собственными, светящимися всеми цветами радуги, песками, пойдут за нами. Я содрал со своей спины ранец, уложил не него короткое цевье карабина, вылил остатки воды из фляги на песок под пламегасителем, чтобы не поднимать при стрельбе мешающие обзору и засоряющие глаза облака, и начал судорожно соображать, что в этом случае можно еще изобразить.

Додумать свои скорбные мысли я так и не успел. Неожиданно скорлупа бронемашин со смачным хлопком расползлась по швам, разбрызгав в стороны раскаленные осколки и залив своим полыхающим содержимым все и вся метров на семь-восемь вокруг. Обрадованные таким фейерверком, оставшиеся в живых вояки сыпанули в стороны, подбирая оторванные руки и ноги, и стараясь по пути сбить с себя пламя. За нашими спинами, как будто вынырнув из-под бледно-желтого песка, равнодушно стрекоча лопостями, воспарил «Блэк-Хок». Его матово-черная туша, щедро исполосованная поднявшимся в воздух песком, мотнулась из стороны в сторону и резко развернулась левым бортом к городу. Сидевший в открытой двери бортстрелок раскрутил стволы и несколько раз рывкнул по прячущимся за бетонными глыбами людям из своего «Минигана»⁶⁷. Сукин сын висел прямо над нами, так что дождь из раскаленной латуни сыпанул из трубы гильзоотвода прямо на наши грешные головы. Рамирес хрипло обматерил пулеметчика смесью чего-то английского и португальского, потонувшей в рокоте движков, перехватил автомат в левую руку, и слегка приподнявшись замахал пилоту, чтобы тот не занимался фигней, а садился. Я понял, что жалеть боеприпасы сейчас будет совсем по-жлобски, сорвал у Рамиреса с пояса последнюю жестянку дыма и метнул ее под ветер, отрезая нас от проклятого подышающего города.

Утопая говнодавами в сыпучем, и липучем, как мука, песке, и толкая перед собой окончательно сдувшегося Кенни, мы рванули к обдавшему нас с ног до головы пылью пополам с выхлопными газами вертолету, сиганули в открытый люк и, уцепившись за потертые привязные стропы, вперлись на узкие брезентовые лавки.

– Поднимай! – заорал я пилоту, молясь, чтобы сукин сын услышал меня без гарнитуры внутренней связи.

Он услышал. А может просто ему самому не улыбалось здесь болтаться дольше, чем было необходимо. «Блэк-Хок» поднапрягся и упруго выпрыгнул из песчаного облака. Чего это стоило фильтрам его воздухозаборников, было страшно думать, но старая вертушка задрала хвост, уверенно набрала скорость и почесала над выжженной солнцем желтой волнистой поверхностью, на предельно малой высоте удаляясь от обреченного города.

Глядя на удалявшиеся снующие фигурки НОАКовцев, я гадал, знают ли они, что их ждет. Потому что в том случае, если они знали, то, наверное, у них были самые здоровенные яйца, что мне доводилось видеть. Выходило, что эти засранцы сознательно пошли на смерть, лишь бы укокошить горстку пришлых бродяг, набранных со всего света, чтобы еще больше нагадить у них дома. Хотя, скорее всего, их никто и ни о чем даже не спрашивал. И вдруг до меня внезапно доперло, что отпущенное нам залитым в бетон минус-седьмого этажа таймером время, скорее всего, уже вышло. Я бросил взгляд на часы и едва успел покрепче ухватиться за скобу под потолком.

В той стороне, где за холмами прятались корпуса заминированного завода, в воздух ударила волна полупрозрачного марева, поднявшая с земли ошметки многотонных конструкций. Все вокруг поплыло. Я своими глазами увидел, как по земле идет дрожь, волной растекающаяся от упрятанного под грунтовые толщи эпицентра. Полумертвые заросли встряхнулись, теряя похлую листву и выпрыгивая из земли вместе с корнями. Песок и пыль поднялись

⁶⁷ M134 «Миниган» (англ. M134 Minigun) – многоствольный скорострельный пулемёт, построенных по схеме Гатлинга, кал. 7,62x51 NATO (США).

с земли, окутывая непроницаемым облаком город, отчаянно теряющий, словно гнилые зубы, свои домишки, осыпающиеся грудой обломков.

Перекрывая мат пилотов, наш «Блэк-Хок» отчаянно вопил сиреной аварийной сигнализации, предупреждая нас, что он на такое не подписывался, а потом, надсадно рокоча движком и скрежеща всем фюзеляжем, завертелся волчком, падая навстречу обманчиво мягкой подстилке из обоссанного миллионами верблюдов песка.

Часть 2. Американская мечта

Дикторша, трясушая силиконовыми буферами на экране дешевенького, что характерно, китайского, телевизора, изо всех сил старалась сохранить лицо. Она была настоящим мастером своего дела и, без сомнения, профессионально умела врать, но все равно было видно, что напугана она просто до усеру. Ее напарник, дядька средних лет с начинающей сединой, выглядел не намного лучше. Удивительно было, что они вообще вышли в эфир, при том раскладе, о котором они сбивчиво, немного устало, но все равно энергично повествовали. Болезненно энергично. Я смял банку из-под «Бада», которую держал в руке, и, не сводя глаз с силиконовых баллонов дикторши, закинул ее в мусорную корзину, стоявшую в углу комнаты.

Почти уже неделю мы на пару с Рамиресом сидели в небольшом мотельчике в пригороде Ванкувера. Я тупо пялился в то и дело хрипящую помехами плазму, стоящую на комод, и пытался понять, на кой хрен снова подписался на халтуру, предложенную Кенни. С другой стороны, когда я полез в это дерьмо, все выглядело вполне логично.

Своим ходом добраться до дома я бы ни за что уже не смог. Пилить на перекладных через обозленных на весь белый свет китайцев было стопроцентным самоубийством. А уйти тем же путем, что и пришел, было проблематично – за пару дней все границы наглухо поперекрывали и наши с Рамиресом рабочие визы уже никого бы не впечатлили. Появись я с такими бумаженциями в аэропорту, меня поставили бы к стенке прямо там. Идиоту понятно, откуда и почему едут двое замотанных в окровавленные бинты амбалов, воняющие пороховой гарью и гексагеном до такой степени, что собаки у таможенников срутся в припадке панического ужаса.

Вот поэтому-то, когда от мистера, мать его, Смита поступило это заманчивое предложение, мы с Риком, не раздумывая, запрыгнули в чумазый грузовой самолет, в котором нас уже дожидались наши пожитки, в том числе и мой волшебный баул, после чего с парой дозаправок добрались до обласканной Ктулху Канады, как можно ближе к границе Соединенных Штатов.

Оборотистый Кенни посулил нам неприлично жирный гешефт, так что я немного подумал и согласился. Прямо на авиабазе, получив наше согласие, он закинул на наши счета по пятнадцать штук, выдал неотличимые от настоящих американские паспорта, водительские права и немного наличных на карманные расходы. Терять мне было все равно нечего, когда и как мне добираться до дома было совершенно непонятно. Да и по деньгам выходило очень не плохо. Раз в десять больше, чем за прошлый заход, и чем я вообще мог бы надеяться.

Ну, а после увиденного по ящику, вопросы о целесообразности нового контракта отпали сами собой.

Китайский гостинец, который нас чуть не угробил в пустыне, похоже, сработал так, как и планировали его создатели. Калифорнию смыло ко всем зуям в Тихий океан. Разлом Сан-Андреас не выдержал каскада прокатившихся, словно судороги, землетрясений и приказал долго жить. Теперь штат апельсиновых рощ покоился на дне океана вместе со всеми своими жителями, а жители Невады могли начинать строить планы на предмет курортного бизнеса. Вот только приступить к реализации своих планов они смогли бы сразу после того, как кончится период полураспада того дерьма, что свалилось им на голову следом за судорогами земной коры. Черда жутких цунами стерла с лица земли Флориду, где как оказалось вылупилась старина Рик, вместе с ее близлежащими окрестностями. Центральная часть Штатов оказалась подтопленной практически до состояния болота. Восточное побережье, оплавленное ударами стратегических ракет, чудом прорвавшихся сквозь американскую систему противоракетной обороны, высохло как черствый сухарик, до такой степени, что там ветер гонял по улицам радиоактивный пепел. Неваде и Аризоне на востоке досталось значительно меньше, но легче им от этого было не сильно. И только в Техасе народ балдел от свалившегося на них счастья – ни один заокеанский гостинец до них так и не добрался, а радиоактивный пепел с северо-востока

каким-то чудом унесло в океан мимо них. Наводнение тоскливой лужей прошуршало у них по самому краешку, и, наделав жутких дел в Луизиане, мирно выплеснулось в мексиканский залив. Так что у техасцев были все предпосылки того, что засухи им не видать еще лет сто, а потоп уже, как бы, и не грозил. По этому поводу, почуяв безнаказанность народная армия освобождения Техаса объявила о скором выходе своего штата из состава общего государства и перешла на осадное положение со всеми вытекающими явлениями – перестрелками, грабежами и виселицами для черных, живописно расставленными вдоль дорог.

Впечатлившиеся увиденным и, кому особенно не повезло, пережитым рядовые обыватели из числа тех, у кого полторы извилины, начали водить хороводы, потрясая распятиями и дурными голосами вереща о Втором Пришествии и тотальном Конце Света. Местные попы, облаченные в парадные пижамы, устраивали сеансы групповой промывки мозгов, а их благодарная паства – хавала эту брехню за обе щеки. Боевики из «Операции «Спасение»⁶⁸» начали под шумок резать докторишек, а ребята из «Американского талибана»⁶⁹ – вешать всех остальных. У тех, кто дружит с головой, это могло бы вызвать приступ фалломорфирования, но, как это ни странно, у официальных властей Штатов эти перфомансы вызвали самую что ни на есть теплую и дружественную реакцию. Попов всячески опекали, паству поддерживали, правда, только на словах.

Между тем, как сообщали с мест, начинающие ошизевать с голодухи граждане принялись мародерить кто во что горазд. И на этом фоне всеобщего бардака и героических усилий по мобилизации, в новостях стали проскакивать сюжеты о том, что Пекин, не имея возможности довести остатки своего покрытого радиоактивным пеплом флота до границ США, вполне мог воспользоваться опытом заокеанских коллег и понимать местных «свободных художников» для проведения диверсий в тылу заокеанского врага. А это, окажись оно правдой, в не такой уж далекой перспективе сильно затруднило бы нашу работу, какой бы она ни оказалась. По плану предполагалось, что через десять дней мы явимся в место, указанное нам Смитом, и только там сможем получить более детальные инструкции.

Примерно на шестой день нашего бесцельного сидения на заднице, мы покидали наши скромные пожитки в кузов старенького, запыленного, как солдатский башмак, полноприводного гибридного пикапа «Воркхорс»⁷⁰, взятого в аренду без какого бы то ни было намерения его возвращать, и покатались в сторону Штатов.

Наш линиялый «крокодил» на колесах на удивление спокойно пересек то, что у местных считалось границей. Бесконечное шоссе, поделенное пополам где-то на полпути между будками, в которой тянули свою лямку пограничники обоих государств, и пара указателей, стоящих задом друг к другу, приветствовавших прибывающих людей. Строгий офицер, проверявший наши первосортно подделанные цэ-рэ-ушниками американские паспорта, настоятельно порекомендовал нам быть бдительными, вести себя хорошо и не слишком хулиганить. Мы, как смогли, изобразили на наших протокольных рожах законопослушность и порядочность, обдали

⁶⁸ Общественная организация фундаменталистского толка, созданная для запугивания и террора в отношении врачей-акушеров, легально производящих аборт (США).

⁶⁹ Американский талибан (англ. The American Taliban) – движение христиан-фундаменталистов, берущее свое начало от веб-страницы на английском языке с цитатами американских политиков и религиозных деятелей, содержащими христианские религиозные высказывания абсолютистского и фундаменталистского толка.

⁷⁰ Workhorse W-15 – пикап с бензоэлектрическим силовым агрегатом, имеющий возможность подзарядки тяговой батареи (США).

фанерную будку погранконтроля дорожной пылью из-под колес, и рванули на юг, немного забирая к востоку, чтобы выйти на трассу до Бойса⁷¹.

Почти девятьсот километров мы без стволов и серьезного снаряжения пилили по бардаку, селевым потокам и бандам местных негритосов. Когда мы пересекали пограничный пост, из оружия у меня остался только дешевый китайский складной нож за десять баксов. Все остальное наше добро нас очень настойчиво попросили оставить на борту транспортного средства до того, как самолет отвалил кормовой люк, по которому нас вытолкали на воздух в Канаде. Собственно, это было сделано для нашей же пользы. Обшманай нас здешние погранцы, вздрюченные по случаю прокатившегося по их части глобуса Армагеддона, мы бы просто не доехали до нужного места. А так, мы вполне спокойно смогли просочиться на территорию Штатов и с ветерком, объезжая стороной стихийные пикеты местной милиции и «крестные ходы» съехавших с катушек фанатиков, пропутешествовать туда, куда нам было велено.

А по дороге нам даже удалось немного поправить ситуацию с «инструментами», правда, совершенно неожиданно. Воля Макаронного Монстра вмешалась в нашу спокойную жизнь во время одной из дозаправок, в каком-то захолустье в районе Ла Гранде⁷², штат Орегон. Я так и не понял, в чем состояла суть конфликта. Нарушили ли мы чью-то территорию, какой-то обычай или поссали не на тот столбик. Но, тем не менее, три местных тела, украшенные замечательными бандитскими татуировками, настойчиво попросили нас пожертвовать им все наше бабло, тачку, а потом прогуляться в направлении ближайшей темной подворотни, и там незаметно сдохнуть. Когда предложенная нам прогулка закончилась, в сухом остатке мы поимели троих жестко поломанных латиноамериканцев, которых мы бросили подышать за пристройкой облезлого сортира с обоссанными шлакоблочными стенами, и немного наличности из их вывернутых карманов в качестве компенсации за причиненное беспокойство. А самое главное, к нам отошли принадлежавший этой троице миниатюрный девятимиллиметровый «Спрингфилд Икс-Д Сабкомпакт»⁷³ с пластиковой рамкой, и такой же субкомпакт филиппинского происхождения «Титан Эф-Икс 45»⁷⁴ под патроны .45 АСР⁷⁵, внешне похожий на миниатюрный «Кольт 1911»⁷⁶, с сильно укороченным стволом и выгравированным на затворе значком Америкэн Тактикал Импортс⁷⁷. Обе машинки были неожиданно дорогими для бандосов из глубинки, которые обычно довольствуются отнюдь не импортной техникой за четыреста баксов, а старенькими револьверами калибра .38 или дюралевыми самозарядками типа «Лорсин»⁷⁸, стоящими дешевле шоколадки «Сникерс», и из которых можно сколько хочешь долбить дешевыми патронами. Такую неожиданную находку можно было списать только на то, что они брали их в комиссионке или попросту сперли у кого-то. Поэтому я только подивился нашей удаче и оставил себе филиппинского карманного монстра, который сидел у меня в руке как влитой.

В остальном наш путь до самых окраин Бойса прошел без особых приключений. Свернув с восьмидесят четвертого шоссе в районе озера Лоуэлл⁷⁹, мы по-тихому миновали посты, обустроенные общественно-активными местными жителями, и закатились в город под названием Нампа⁸⁰, расположенный к юго-западу от столицы штата. Проскочив по сорок пятому шоссе

⁷¹ Boise – столица и крупнейший город штата Айдахо, США.

⁷² La Grande – город в штате Орегон, США.

⁷³ Springfield XD Sub-compact – полуавтоматический пистолет калибра 9 мм (США).

⁷⁴ ATI FX 45 Titan – компактный полуавтоматический пистолет калибра .45 АСР (Филиппины).

⁷⁵ .45 АСР (Automatic Colt Pistol) – пистолетный патрон кал. 11,43 мм, разработанный Дж. Браунингом в 1905 г. (США).

⁷⁶ Colt M1911 – полуавтоматический пистолет кал. .45 АСР (США).

⁷⁷ ATI – фирма, специализирующаяся на импорте оружия (США).

⁷⁸ Полуавтоматический пистолет кал. .22 Lr (США).

⁷⁹ Пресноводное озеро на территории Национального заповедника Deer Flat (США).

⁸⁰ Nampa – город округа Кэньон, штат Айдахо (США).

на юг, мы оставили за кормой здание местного университета, такой же приземистый, как и все здесь, медицинский центр и, свернув направо, принялись петлять по закоулкам.

Периферия американских городков – это отдельная песня. Ближе к окраинам они превращаются в форменное безобразие, похожее на типовую русскую деревушку образца нулевых годов двадцать первого века. Приземистые домики, слеplенные чуть ли не из фанеры или, в лучшем случае, из СИП-панелей⁸¹, растрескавшийся асфальт под колесами, хреновое освещение и обочины дорог, поросшие сорняком. В каком из этих сараев живут люди, а в каком расположены офисы – сразу не разберешь. Поэтому, чтобы отыскать ту хибару, про которую нам говорил Смит, мы, еще минут сорок петляли по незнакомым улочкам. А когда, наконец, смогли ее отыскать, даже сами себе удивились. Домик этот ничем особенным среди прочих построек не выделялся. Два этажа, что, похоже, являлось для города психологическим пределом высотности, стены, выложенные темным облицовочным кирпичом. Окна первого этажа были наглухо задраены рольставнями, парадная дверь – кусок плексигласа в алюминиевой раме – закрыта складной решеткой. На фасадной стене здания я разглядел несколько пропыленных вывесок каких-то одним местным жителям известных фирмочек. Судя по всему, внизу там было что-то вроде склада или оптового магазинчика, а наверху располагались три офиса с отдельными металлическими лестницами и индивидуальными входами. Нам нужен был тот из них, что числился за какой-то не то строительной, не то геологической фирмой с тупым, ничего не значащим для нас названием «Геолоджикал констракшенс». Припарковав своего «крокодила» на засыпанной щебнем площадке под стеной, мы вылезли на свет божий, захлопнули дверцы и направились к узенькой боковой лестнице, ведущей на второй этаж. Стараясь не бухать своими башмаками по железным ступенькам, мы забрались к фанерной дверке, ведущей в офис «геологов» и наостригли уши. За дверью все было тихо. Где-то через пару кварталов от нас какой-то дебил пару раз выстрелил из пистолета. Второй придурок ответил ему хлопком из дробовика. На этом музыкальное сопровождение закончилось, и ближняя к нам часть города снова погрузилась в тишину.

Но меня насторожили совсем не звуки и даже не их отсутствие, а запахи. Из-за двери ощутимо тянуло пороховой гарью, а если принюхаться, то еще и кровищей. Старой-доброй запекшейся кровищей. Я достал из-за пояса трофейный «Эф-Икс 45», вычищенный и проверенный за время пути, скинул предохранитель и кивнул Рамиресу, сжимавшему доставшийся ему «Икс-Дэ», чтобы он сек за моим тылом. А сам перегнулся через тоненькие перильца и попытался заглянуть в сто лет не мытые окна конторы. Ничего хорошего я там, понятное дело, не увидел. Угол для этого был не самый удачный, да и былую прозрачность оконные стекла давно уже потеряли. Поэтому, как бы мне этого ни не хотелось, нам все-таки пришлось вломиться в тот курятник с соблюдением всех лучших традиций, с выбиванием дверей, перекатами, кувырками, сбитыми коленками и поломанной мебелью.

Чтобы облететь всю контору, нам с Рамиресом понадобилось не больше пяти секунд, и это если учесть то время, когда мы перегруппировывались для входа в подсобное помещение. За это время мы проверили все темные углы и, так никого и не обнаружив, с мрачным видом сошлись в центре офиса, освещенного лишь тем светом, что пробивался в запыленные окна.

– Ты будешь смеяться, – пробубнил Рик, рассматривая что-то в одном из погруженных во тьму углов. – Но они убили Кенни⁸².

Я чуть не заржал в голос, но все же сунул нос туда, куда мне указал напарник. И кивнул, соглашаясь.

– Точно, это он...

⁸¹ Структурно-изолированная панель (от англ. SIP, Structural Insulated Panel), состоит из двух ориентированно-стружечных плит (ОСП или OSB), между которыми под давлением приклеивается слой пенополистирола, либо под давлением закачивается пенополиуретан.

⁸² Меметичная фраза из популярного американского мультсериала «South Park» («Южный Парк»).

Костлявую задницу цэ-рэ-ушника я узнал с полувзгляда. Бедолага лежал ничком в луже крови, жалобно подогнув под себя колени, и совсем не походил на своего тезку из «Южного Парка». Видно было, что концы он отдал не сразу, а какое-то время мучился, судорожно шкрябая руками и ногами по липкому полу, залитому собственными жидкостями. Но Кенни был не единственным, кому так несказанно повезло. В других углах комнатухи были заботливо разбросаны трупы еще нескольких парней, чем-то неуловимо похожих на Кенни, и нескольких типов, разительно отличавшихся от них по колориту. С виду все выглядело так, что последние были корешами тех, кто замочил нашего любимца и его товарищей.

Вокруг нас был полнейший бардак, и вовсе не мы с Риком были тому виной. Сдвинутая и опрокинутая мебель, разбитые вдрызг компьютеры, стены, изуродованные пулями до такого состояния, что местами штукатурка отвалилась от них целыми пластами, на всех видимых светлых поверхностях темными плюхами застыла кровиха пополам со шлепками чьих-то мозгов и прочих внутренностей. И это если не считать сантиметрового слоя стреляных гильз на полу и лежащих поверх этого слоя мертвяков. Смит и его люди не продешевили, заставив тех, кто за ними пришли, заплатить за их головы приличную цену. И судя по тому, что в соседней комнате было полным-полно наличных, оружия и прочего барахла, крайне дефицитного в любые времена, а на устоявших на ногах столах остались кое-какие документы, карты и чертов ворох электроники, можно было предположить, что после перестрелки оставшимся в живых было уже не до добычи. Или же те, кому она была нужна, сейчас валялись под дверью, в лужах собственной крови и желчи, пристреленные ответным огнем, а в живых не осталось никого. Гадать о том, что же там на самом деле произошло, можно было до бесконечности. Но одна вещь была мне понятна и без этого. Если злые дяди решили бы вернуться, наши шансы на выживание стремительно катились в анал. А это означало, что нам нужно было двигаться, и как можно скорее.

Я хлопнул Рамиреса по плечу, кивнув в сторону ящиков с «инструментами».

– Давай, не теряй времени, Кенни банкует...

Отыскав пару вместительных сумок, мы рывком поставили на ноги пару столов, кинули сумки на них и стали рыться в оставленных без присмотра закромах.

Рамирес удачно выудил очень прилично выглядевший «Ремингтон Эй-Си-Ар⁸³», девяти-миллиметровый модульный «Зиг-Зауэр-320⁸⁴» армейского образца, и пару кофров с пулеметами-пулеметами «МП-7⁸⁵». Натаскал в одну из приготовленных сумок чертову прорву магазинов, прихватив до кучи несколько пулеметных «барабанов» на сто восемьдесят патронов, набросал поверх них фонари, прицелы, батареи и тому подобное полезное барахло, и принялся выколупывать из стоявших на полу дутых пластиковых контейнеров запаянные в толстую зеленую пленку коробки с патронами, стаскивая их в кучу под самой дверью, чтобы удобнее было потом грузить в кузов.

Пару секунд я наблюдал за возней Рика, водя своим жалом над сваленными в кучу ящиками и соображая, что мне могло понадобиться в обозримом будущем. Чем нам предстояло заниматься, я тогда имел весьма смутное представление. Поэтому первым делом я подкинул Рамиресу пару толстых противоосколочных костюмов, плэйткэрриеры⁸⁶ со сменными панелями и пакеты с комплектами химзащиты. А потом мой взгляд упал на громоздившуюся поодаль кучу налички, и мой внутренний гуманист пнул меня вперед. Я подобрал валяв-

⁸³ Remington ACR – адаптивная боевая винтовка совместной разработки фирм Magpul, Bushmaster и Remington. Вариант от фирмы Remington – только военного назначения, кал. 5,56x45 NATO и 6.8x43mm Remington (США).

⁸⁴ SIG-Sauer P320 – печально известный своими недостатками полуавтоматический пистолет, производства американского подразделения международного концерна ЗИГ-Зауэр, кал. 9x19, принят на вооружение ВС США под индексом M-17.

⁸⁵ HK MP7 – пистолет-пулемет производства фирмы Heckler und Koch кал. 4.6x30 мм (Германия).

⁸⁶ Plate carrier (дословно – носитель пластин (англ.) облегченный бронежилет – база для установки пуленепробиваемых элементов.

шийся на полу пузатый герметичный кофр от какой-то электроники, поставил его между собой и кучей бабла и принялся набивать его разнокалиберными цветными бумажками. Их оказалось очень много – британские фунты, евро, баксы и даже рубли. Для собственного успокоения я посветил на них валявшейся на столе ультрафиолетовой лампой – бабло было самое что ни на есть настоящее. Упихав в контейнер все до последней бумажки, я запер крышку и пихнул его к выходу. Без этого ящика я выходить оттуда не собирался ни при каких обстоятельствах.

Доверив Рiku беготню по лестнице, со второго этажа до кузова нашего пикапа, я еще раз обвел жалом разгромленный офис. Мне стоило воспользоваться примером Рамиреса и отыскать себе пару надежных «инструментов», иначе, принимая в расчет внезапно свалившееся на наши головы богатство, у нас были все шансы заняться благотворительностью, как тогда, на заправке в Ла Гранде. Скинув на пол пару пластиковых ящиков, я разглядел под ними оливковые крышки с нанесенными на них знакомыми белыми вензелями в овале и сразу понял, что в дальнейших поисках нет смысла. Я нашел то, что искал. Я ни разу не маньяк и, в отличие от комнатных Рэмбо, не дрочу на пушки. Для меня это лишь вопрос инструмента, который подходит для выполнения определенной работы, достаточно удобен и надежен. Но с продукцией фирмы, скрывающейся под аббревиатурой «FN⁸⁷» я был знаком с незапамятных времен и совсем не понаслышке. И, в отличие от барахла некоторых других западных марок, она меня еще никогда не подводила.

Быстро вытряхнув посторонние предметы из подвернувшихся под руку объемистых нейлоновых чехлов для переноски оружия, я разложил их прямо на полу и, не теряя попусту времени, щелкнул пряжками на футлярах с винтовками. Уже вышедшие к тому моменту из моды, лишенные модных свистелок и перделок, но знакомые мне до последнего винтика, автоматические винтовки «СКАР⁸⁸» мирно дремали в широких захватах своих ящиков. Песочного цвета, который, похоже, уже никогда не выйдет из моды, с черными кнопками сброса магазина и затворной задержки и предустановленной штатной механикой. Оптика на них не была предусмотрена, но это меня совсем не расстроило. Во-первых я прекрасно обхожусь диоптром, пусть и таким подслеповатым, как эф-эновский, а во-вторых в оптике, благодаря Кенни, у нас теперь недостатка не было. Чехлы и коробки с прицелами на любой вкус Рик свалил грудой на полу. Было бы время, а поставить ее не составило бы для меня большого труда.

Стараясь поторапливаться, я выдернул из пластикового гроба и уложил в чехол короткоствольный «СКАР-ПДВ⁸⁹», прихватил его лентой на липучке и, благо доставшийся мне чехол был практически безразмерным, уложил рядом с ним «ЦСР-20⁹⁰». В раззявленное жерло здоровенной сумки, лежащей поодаль, накидал пустых магазинов обоих калибров – ребристых пластиковых тридцаток под пять-пятьдесят шесть⁹¹ и коротких, словно срубленных наискось книзу, металлических двадцаток для «СКАР-Эйч». Прицелы, батареи, прочее нужное и не очень барахло, в том числе принадлежности для чистки и инструменты, полетели следом.

Арсенал получался тяжеловат. Но в нашей ситуации, когда не совсем понятно, чего ждать, лучше было иметь излишек и не нуждаться в нем, чем наоборот. Ведь не известно было, каким местом повернется к нам жизнь, и не придется ли мне, скажем, скомлять с винтовкой, у которой лопнул пластиковый ресивер, «прикипел» к вкладышу ствол или сломался выбрасыватель. Благо, таскать все это говно нам предстояло не на себе.

⁸⁷ FN Herstal (фр. Fabrique Nationale d'Herstal) – бельгийская оружейная компания, входящая в состав Herstal Group.

⁸⁸ FN SCAR Mk 16 / Mk 17 (Special Forces Combat Assault Rifle) штурмовая винтовка (США – Бельгия)

⁸⁹ FN SCAR PDW (Personal Defense Weapon – персональное оружие самообороны) – вариант штурмовой винтовки SCAR-L (Mk 16), имеющий очень короткий ствол длиной 6,75 дюйма (170 мм), кал. 5,56x45 NATO (США – Бельгия).

⁹⁰ FN CSR-20 (Compact Sniper Rifle) – компактная самозарядная снайперская винтовка с длиной ствола 20" (508 мм), кал. 7,62x51 NATO (США – Бельгия).

⁹¹ 5,56x45 – основной патрон для автоматического стрелкового оружия стран-участниц НАТО.

Не решившись оставаться с голыми руками, я закинул себе за спину карабин в калибре триста-восемь⁹², адаптированный для ближнего боя⁹³, воткнув в него наспех набитый патронами магазин. По-настоящему серьезное оружие для серьезных мужиков. В полностью автоматическом режиме управлять таким аппаратом сможет не каждый. Но мои, прямо скажем, не балетные габариты, этому очень даже способствуют, а старорежимные триста-восьмые патроны с подходящей пулей должны были помочь мне преодолеть защиту большинства коммерческих жилетов, особенно накоротке. Поэтому, подобный агрегат пришелся весьма к месту.

Пока я искал что-то на замену отошедшей мне в качестве трофея сорокопятаки, на глаза мне попались старенькие полуавтоматы «М-1014⁹⁴» двенадцатого калибра⁹⁵ и вполне приличная старенькая крупнокалиберная винтовка «М 82 АЗ⁹⁶», с уже установленной на ней мощной оптикой. Ее старшую сестрицу М-109 вдвое большего калибра⁹⁷, лежащую рядом, я не церемонясь закинул подальше в угол. У меня уже был печальный опыт по ее части – как-то раз во время облавы на снайпера такая же сучка чуть не вырвала мне хребет через задницу, когда я в быстром темпе отстрелял из нее один полный магазин. И повторять тот эксперимент я больше не собирался. На всякий случай упаковав снайперскую «пятидесятку» и дробовик в чехлы, я закинул в сумку первую попавшуюся пластиковую коробку с лежащим внутри «Эф-Эн П-45⁹⁸» с тактическим стволом, приспособленным для установки глушителя, и целый ворох пистолетных магазинов. А за ними вдогонку отправил глушители, лазерные целеуказатели, запасные батареи и зарядники для аккумуляторов. Тогда я резонно рассудил, что если у меня будет время, я смогу разобраться что и куда.

Застегнув молнии на чехлах и сумках, я отпихнул все это добро к двери и ухватился за ручки на ящиках с патронами, чтобы подтянуть их поближе к выходу. Больше всего моя жопа болела из-за пистолетных патронов, потому как оба моих короткоствола жрали сорок пятые, а самыми распространенными всю жизнь были парабеллумовские девять миллиметров⁹⁹. Но мне повезло, среди запаянных в пленку коробок я наткнулся на коричневые картонные пачки филиппинских патронов «ХЕАТ¹⁰⁰» с выполненными на них потускневшим золотом надписями: «Copper jacketed dart tips¹⁰¹» и «Высокого давления. Только для использования в правоохранительных органах и вооруженных силах». В первой же вскрытой пачке оказались двадцать пять штук патронов с бронебойными пулями, напоминавшими с виду медные «Хорнади Икс-Тэ-Пэ¹⁰²» с запрессованными в экспансивную полость заостренными стальными штырями. Надпись на коробке гласила, что эти патроны сделаны на Филиппинах, и гарантируют сочетание высокой передачи энергии к цели и хорошего проникающего действия. Это заявление, даже при изрядной доле скептицизма с моей стороны, вселяло некоторую надежду. В этой части выбор был сделан сам собой. Из боеприпасов для винтовок выбирать тоже было

⁹² Калибр.308 соответствует калибру 7,62x51 NATO.

⁹³ SCAR-H CQC (аббр. от Close Quarters Combat – т.е. для ближнего боя) – вариант штурмовой винтовки SCAR-H (Mk 17) со стволом длиной 330 мм, кал. 7,62x51 NATO (США – Бельгия).

⁹⁴ Benelli M4 Super 90 / M1014 JSCS – самозарядное ружье, кал. 12 (Италия).

⁹⁵ Патрон 12 калибра для гладкоствольного оружия, номинальный диаметр канала ствола в миллиметрах для него составляет 18.5мм.

⁹⁶ Самозарядная винтовка Barrett «Light Fifty» («Легкая Пятидесятка») M82A3 (M107 в документах ВС США), кал. 12.7x99 мм (.50 BMG) (США).

⁹⁷ Barrett XM109 – самозарядный гранатомёт на базе снайперской винтовки M107, рассчитан под гранатомётные выстрелы 25x59 мм XM1050 TP и XM1049 HEDP от автоматического гранатомёта XM307 ACSW

⁹⁸ FN FNP-45 – полуавтоматический пистолет производства FNH-USA – американского подразделения бельгийской компании FN Herstal, кал.45.

⁹⁹ 9x19 mm Parabellum/9 mm Luger – пистолетный патрон с бесфланцевой гильзой, стандартный боеприпас NATO.

¹⁰⁰ .45 ACP H.E.A.T. armor piercing round – бронебойные патроны производства филиппинской фирмы Twin pines.

¹⁰¹ Дротики в медной оболочке (англ. дословно).

¹⁰² Hornady XTP – пуля с контролируемой разрушаемостью.

не из чего – запаянные в ту же зеленую пленку многоцелевой «Марк 211¹⁰³» для «пятидесятки», которые даже с натяжкой нельзя назвать снайперскими, «М-118¹⁰⁴» для винтовок калибра.308 и «Марк-318¹⁰⁵» для малокалиберного карабина. Плюс обычная «коммерция» от «Винчестер» для «Бенелли М-4», частично с картечью «три нуля¹⁰⁶», частично с подкалиберной стреловидной пулей.

На ресурс приватизированных нами инструментов, который при использовании боеприпасов военного стандарта сокращался для карабинов до семи или, если повезет, десяти тысяч выстрелов, а для пистолетов вообще становился лотерейно-спортлотошным, мне было наплевать. Спортивный настрел мне вряд ли грозил, поэтому я был готов поступиться ресурсом в пользу могущества действия по цели.

Нам хватило мозгов загнать свою машину в узенький проулок между домами, где у одной из стен стыдливо прятался мусорный контейнер, поэтому далеко волочь свои тюки не пришлось. В несколько заходов мы с Рамиресом перетаскали оставшееся барахло и укупорки с патронами в наш пикап, забив ими кузов под завязку. Большую половину свободного места заняли тяжелые бронекастюмы, которые мы не стали потрошить на месте, чтобы не тратить времени, запасные бронепанели, а также картонные коробки, плотно набитые серыми пакетами с натовскими суточными пайками, от которых потом срезь кирпичами неделями напролет. Остальное место заняли оружие и патроны, которые мы перетаскали прямо в заводской упаковке.

Мое нутро подсказывало мне, что время, которое начало для нас капать в тот момент, когда я в первый раз ступил на нижнюю ступеньку лестницы, уже давно закончилось. Чувство дискомфорта, появившееся некоторое время назад, не отпускало. И тут я вдруг понял, что забыл там, на втором этаже конторы, залитом кровью и заваленном кишками, самое важное. То, что для нас могло оказаться более важным, чем бабло, «железо» и хавчик. Набросив на себя первый подвернувшийся бронежилет, я, не сводя глаз с улицы, сунул руку в приоткрытую заднюю дверцу, нащупал там свой баул, лежащий на заднем сиденье, и выдернул из него баллистическую маску. Нахлобучил ее себе на макушку, спустив ремешки на затылок, и, бросив Рика одного натягивать поверх груза брезентовый тент, метнулся вверх по металлическим ступеням. Вошел в изгаженную контору, и попытался понять, где там могли валяться самые важные подтирки.

Того, что приличные люди называют разведданными, там валялось, мягко говоря, прилично. Весь пол и прочие горизонтальные поверхности были покрыты ровным слоем неведомой муйни – документов с графиками и диаграммами, с картинками и без, и прочей шелухой. Там же лежали здоровенные, напечатанные на плотной бумаге карты местности, испещренные какими-то разноцветными пометками. И это не говоря об электронике – спокойно переживших бойню тафбуках¹⁰⁷, защищенных планшетов армейского образца и целых коробок твердотельных накопителей всех типов и марок. Не пытаясь впопыхах разобраться что к чему, я ухватил попавшийся под руку мешок и запихал в него всю не побитую электронику, что смог найти в этом бардаке, следом за «железом» покидал все, на чем можно было сохранять инфор-

¹⁰³ Mk.211 Mod.0 (Raufoss Multi-purpose или HEIAP) – многоцелевой патрон кал. 12.7×99 мм (.50 BMG) с осколочно-фугасной бронебойно-зажигательной пулей (воспламенитель – 20 частиц циркония, заряд – ТЭН или RDX Comp A4).

¹⁰⁴ M118 ball – снайперский патрон кал. 7.62×51 NATO.

¹⁰⁵ Mk 318 Mod 0 – версия патрона M-855 (5,56×45 NATO) с полуболобочечной экспансивной пулей массой 4,02 грамма (BC США).

¹⁰⁶ Картечь №000 американского стандарта, соответствует русскому обозначению «Картечь I» (d = 9,14 мм (0,36)).

¹⁰⁷ Toughbook – семейство портативных компьютеров, первоначально производившихся японской компанией Panasonic, предназначенных для эксплуатации в неблагоприятных условиях.

мацию – от эс-эс-дэ¹⁰⁸ до флэш-карт¹⁰⁹, а сверху придавил все это самыми солидными на вид бумажками и картами местности.

Уже выходя за дверь, я впихнул в горловину мешка пачку автомобильных номеров разных штатов, валявшуюся под ногами, наметив себе на будущее, чтобы при первой же возможности заменить те, что стояли на нашем пикапе, на более-менее подходящие, чтобы как можно меньше выделяться. А когда я взялся за шарик дверной ручки, снаружи что-то отрывисто бабахнуло, и я понял, что пропустил тот момент, когда отведенное нам время, наконец, кончилось.

Схватив собранный мною мешок, я пулей вылетел в дверь, перемахнул через хлипенькие металлические перильца и, как куль с дерьмом, спикировал на асфальт, аккуратно под проемом, откуда только что выскочил. Финт ушами не совсем удался – правое колено вдруг решило припомнить мне все мои выкрутасы и начало противно ныть, грозя вывернуться куда угодно, только не туда, куда надо. Но, глядя как какая-то добрая душа барабанит по ставням из автомата, я об этом нисколько не пожалел. Задержись я в дверях или на этой чертовой лестнице, мне бы тут же настал пушной зверек.

Из дыроколов у меня при себе остался только карабин с одним магазином, пристегнутый ко мне одноточечным ремнем, и трофейная сорокопятка за поясом джинсов. Я забросил мешок с электроникой в кузов «Воркхорса», перекинул коротенькое пузатое «весло» себе на грудь, поднял сложенные стойки «БУИСа¹¹⁰» в рабочее положение и, сбросив на лицо противопульное забрало, осторожно выглянул из-за угла. Выглянул и прибалдел.

На противоположной стороне улицы, за стоявшей слева от меня легковушкой, превращенной в импровизированную баррикаду, жались группка разнополых гражданских, которые, похоже, предпринимали энергичные попытки наспиговать пулями воздух у себя над головой. С другого конца, справа от меня, из-за двух стоящих клином нос к носу «Сабурбанов¹¹¹» по ним бодро постреливали какие-то типы с недобрыми рожами, торчащими поверх бронежилетов. И чтобы сложить два и два много времени не потребовалось даже мне. Мрачные типы были братьями-близнецами тех, по крови и кишкам которых мы с Риком только что топтались в конторе у Кенни, и зачем они сюда приперлись, догадаться было совсем не трудно. Гражданские просто попали им под горячую руку, и для нас с Риком это был настоящий подарок судьбы. У нас появился отличный шанс, чтобы прорваться под шумок, пока злые дяди были заняты делом. Но все вышло иначе.

Рамирес встрял в перестрелку. Я не успел к ее началу, поэтому понятия не имел, как так получилось, но тогда это было уже и не важно. Как я понял, парень уже определился, на чьей стороне он воюет, и всю дубасил по обладателям недобрых рыл. По моим подсчетам у него оставалось секунды три-четыре, пока его не подавят огнем, после чего настал бы черед гражданских. И я бы на их месте уже мазал себе жопу вазелином – с той точки, где находился я, картинка была ясна, как день.

Я стал крутить башкой по сторонам, соображая, что делать. А потом бросил карабин болтаться на ремне и налег плечом на стоящий у стены мусорный контейнер. Тяжеленный, как танк и вонючий, как хрен знает что, ящик скрипнул ржавыми колесиками и, то и дело норовя увильнуть в сторону, попер из переулка на проезжую часть. По жестяному корпусу тут же

¹⁰⁸ Твердотельный накопитель (от англ. solid-state drive, SSD) – компьютерное немеханическое запоминающее устройство на основе микросхем памяти.

¹⁰⁹ Флэш-память (англ. flash memory) – разновидность полупроводниковой технологии электрически перепрограммируемой памяти (EEPROM).

¹¹⁰ От англ. аббр. BUIS (backup iron sights) – механические прицельные приспособления (складные мушка и целик), в современном стрелковом оружии выполняющие функцию запасных.

¹¹¹ Chevrolet Suburban – семейство полноразмерных спортивно-утилитарных автомобилей, разработанное Chevrolet – подразделением General Motors (США).

звонко ударила пуля, потом вторая. И через мгновение по нему забарабанила гулкая ленивая дробь выстрелов, заставлявшая вибрировать весь контейнер. Пули дырявили обращенную к плохим дядям стенку бака и вязли в набитых в него нечистотах. А я продолжал давить на него с кормы, рывками стараясь придать ему более-менее правильное направление. А потом колесики скрипнули в последний раз, и вонючая махина встала как вкопанная – прямо посередине шоссе и аккуратно между оппонентами. Я пихнул ее плечом, но безрезультатно. Мусорка решила, что с нее хватит. Рик при этом остался торчать там, где совсем не надо – прямо передо мной, за необъятной тушей застрявшего контейнера. И чтобы занять новое укрытие, присоединившись ко мне, ему пришлось бы для начала покинуть свое – лежащий на боку возле фонарного столба почтовый ящик – и под обстрелом ломануться ко мне. Время в его положении было дороже денег.

Стоя спиной к боковому торцу мусорки и не решаясь попадаться в поле зрения неуправляемых разбушевавшихся гражданских, я поднял приклад к плечу и стал осторожно поворачивать свой корпус навстречу ребятам, прессующим Рамиреса. Заняв правильное положение, правой ногой вперед, к краю укрытия, я коротко качнулся в сторону и снес первых трех упырей одной короткой очередью. Все вышло настолько легко и непринужденно, что мне даже стало стыдно перед Риком, который провозился с ними почти две минуты. С той стороны что-то коротко шарахнуло, и три котлетоса синхронно слегли за своей баррикадой. Их товарищи тоскливо заголосили на разные голоса, из чего я понял, что один из недоносков, падая, надавил на спуск и продырявил нескольких своих корешей, которые оставались вне моего поля зрения.

Решив, что начало положено, я сместился так, чтобы мне было видно длинную сторону контейнера, обращенную к гражданским, и успел заметить, как Рамирес юркнул под прикрытие их легковушки. С моей точки зрения мусорный контейнер выглядел куда привлекательнее, но выбор все же оставался за ним. Я сделал что мог. Убедившись, что Рик укрылся, я воспользовался возникшей заминкой, перевел дух и снова огляделся.

Я робко надеялся, что злые дяди, вкусив прелестей жизни, передумают и свалят подоброупоздорову, но моим надеждам не суждено было сбыться. Они довольно быстро пришли в себя, перегруппировались и решили меня не прощать.

В той ситуации разумнее всего для меня было бы отступить. Все мое нутро вопило, требуя от меня драпать из чертовой ловушки, но сделать этого я не мог. Все наше барахло, и родное и только что приобретенное, я уже не говорю о наличке, валялось в кузове пикапа, а пикап стоял в проулке, справа от дороги, на которой я обосновался, устроившись за мусорным баком. И уходить без этого барахла было бы с нашей стороны как минимум не разумно.

Я, как мог, огляделся, коротко шарахнул по паре черепов, вылезших под выстрел, и снова отошел за свое ароматное убежище.

Прижавшись хребтом к облезлой жестяной стенке контейнера, я бросил взгляд в ту сторону, где приютился Рик. Оттуда вяло пуляли из пистолетов и изредка рывкал «Ремингтон», но самих голов уже не было видно. Вероятно, мой латиноамериканский товарищ убедил своих новых друзей вести себя поскромнее, и теперь у гражданских появился неплохой шанс не расстаться со своими задницами. Чего нельзя было сказать обо мне. Я стоял за вонючей дырявой коробкой, капающей на асфальт сочившейся из пробоин зловонной жижей, и как заведенный вертел башкой по сторонам.

В тот-то момент я и запалил сволочей, которые залезли на плоскую крышу одноэтажки, торчащей через дорогу от заваленного трупами офиса, в котором догнивал Кенни. Ребята были молодцами, и все бы у них получилось, верти я башней только по горизонтали. Взявшись за верхний срез борта левой рукой, я уложил цевье карабина в вилку между большим и указательным пальцами, поймал в прицел первого из «верхолазов» и сбил его одиночным выстрелом в тушу. Двое его товарищей были на стреме и тут же бросились на четыре кости, успев залечь за низенький кирпичный бортик, окружавший крышу по периметру.

Их было всего-то пара человек, но шороху они могли оттуда навести о-го-го. Я дал по бортику пару коротких очередей, больше для острастки, чем из практических соображений, и, приподняв свой противопульный намордник на лоб, свистнул Рамиресу, потыкав пальцем вверх. Он кивнул мне в ответ, но, судя по всему, нихрена не понял, потому что снова стал давить по фронту. Я злобно сплюнул на асфальт под ногами, проверил остаток патронов в магазине, и снова выглянул за угол контейнера со стороны плохишей. И успел как раз вовремя – засранцы, оперевшись на своих корешей, засевших на крыше, уже вовсю мutilовали обходной маневр. Застигнутые в движении, посреди улицы, они попадали на асфальт, извергая во все стороны пукательные газы и, рефлекторно, дожигая патроны. Винить их в этом было бы неразумно, я, старый мудозвон, подставился сам, без посторонней помощи. Мое правое копыто вылезло из-за стенки бака всего-то на пару дюймов¹¹². И, как и следовало ожидать, этой самой ляжкой я и поймал срикошетировавшую от асфальта пулю. От полученного удара мое копыто повело в сторону, и я чуть не рухнул на бок, едва успев перенести вес тела на левую сторону. Хромая на одной ноге, я попытался догрести до стенки контейнера, но чуть-чуть не успел. При других обстоятельствах, мне должно было разворотить грудную клетку или гортань, но нет худа без добра. Поскольку я успел частично зайти под прикрытия контейнера, то получил прилетевшую с крыши пулю прямо в рыло.

В ушах у меня зазвенели колокола, а дневной свет погас напрочь. Я словно мешок с говном осел на асфальт за помойкой, но даже не смог сразу осознать, что больше не стою, а лежу. В голове булькало и свистело круче, чем с перепоя. Морда вся онемела, так что я даже не почувствовал, как от полученного удара расплзлась моя маска, кусками отлетевшая за уши на эластичных ремнях креплений. С трудом приоткрыв один глаз, я попробовал хоть что-нибудь разглядеть, но у меня нихрена не получилось. Тогда я дал пару очередей, дожигая патроны в то место, где по моим расчетам должна была находиться гребанная крыша. Мои мозги упорно отказывались ворочаться, а в черепе мутными волнами переливалась уорхоловская¹¹³ блевотина. Через свист и звон в ушах я услышал где-то далеко-далеко рев «Ремингтона» и окончательно отрубился.

Очухивался я рывками. Я помнил хлопки рамиресовского карабина у меня над головой. Я помнил, как он тащил меня куда-то, ухватившись за эвакуационную стропу на жилете. Еще помнил, как не смог поднять свой карабин и потянул из-за пояса сорок пятый. А потом было что-то холодное под спиной, только я не мог уверенно сказать, я на нем лежал, или оно на мне. Все в башке крутилось волчком. Потом помню лицо какого-то незнакомого парня, маячащее перед моим носом. Помню маленький фонарик, которым мне какая-то падла светила сначала в один глаз, а потом во второй. Мой череп разламывался от постоянной пульсирующей боли, и неудержимо тянуло блевать. А потом была темнота. Периодически я пытался открыть глаза, но у меня ни хрена не выходило. Только на какие-то секунды, наверное. Но цельная картинка никак не хотела складываться.

Сколько я так провалялся – сказать не смог бы даже под пытками. Но понемногу стал отходить. Теперь я просто дрых от той дряни, что мне шиляли в торчащую из руки капельницу.

А окончательно очухался я от того, что начало дергать простреленное копыто. Ляжка болела и просилась в пляс. Я с закрытыми глазами протянул руку и потерял ее, чтобы перестала дрыгаться. Под пальцами оказалась повязка. И копыто было по-прежнему на месте, и это очень радовало, зная полевую хирургию, особенно штатовскую.

¹¹² 1 дюйм = 25,4 мм.

¹¹³ Энди Уорхол (1928—1987 г.г.) – американский художник, создатель произведений в стиле коммерческий поп-арт.

Через закрытые веки красным маревом пробивал свет. Где-то слышались голоса. Постепенно я смог снова приручить уже отвыкшие от хозяина уши и понял, что голоса слышны совсем рядом, возможно где-то за стенкой. Тогда я решил, что мне нехрен больше спать и, не меняя позы, попытался открыть веки.

Свет резанул глаза так, словно в них плеснули кислотой. Были у меня прецеденты, есть с чем сравнивать. Когда наворачнувшиеся слезы наконец стекли по морде, я смог оглядеться.

Помещение. В двух метрах слева открытая дверь в соседнюю комнату. В двух метрах над рылом – чистый крашенный потолок. Я лежал на столе, под затылком у меня было подложено что-то мягкое, скорее всего, подушка, а сверху мою тушу скрывала наброшенная простыня. Капельницы в руке уже не было. Это сигнализировало, что со мной было все зашибись. Или наоборот. Я зашкребыхался, пытаюсь подняться, и голоса тут же стихли. Я услышал быстрые легкие шаги.

– Как вы себя чувствуете?

Перед моим носом снова нарисовалось лицо из недавних бредней. Говорило это лицо на американском английском. И на госпитального дока не было похоже ни разу. Мне в голову пришла мысль сунуть в это лицо кулак-другой и совершить дерзкий побег с препятствиями, на одной ноге и с диплопией¹¹⁴ в чичах¹¹⁵. Все еще лежа на спине я начал незаметно сжимать пальцы правой руки в кулак, попутно разогревая мышцы нехитрой изометрикой¹¹⁶. Настолько аккуратно, чтобы человек, имевший доступ к скальпелю и прочим прелестям, не смог ничего заметить. Но в последний момент мне пришлось отложить свой дерзкий побег до лучших времен – в моем поле зрения появился Рамирес.

– Все в порядке, Лазарь, – он наклонился надо мной и похлопал по плечу. – Здесь все свои. Док тебя немного заштопал, так что не волнуйся.

Все, кого я когда-то мог посчитать за «своих», давным-давно были похоронены в землю, так что восторг Рика по поводу обретения новых друзей я разделять не собирался. Но кто я такой, чтобы отказываться от передышки, особенно в таком состоянии, в котором я находился? Я разжал кулак и расслабил мышцы.

– Спасибо за ляжку.

За время простоя мой голосок малость осип, но я ожидал худшего.

– Пожалуйста, – док, парень лет под тридцать, покрутил у меня перед носом карандашом, посветил в глаза фонариком, еще немного поколдовал над моей ногой и удовлетворенно кивнул. – Думаю, вам можно попробовать встать. Но осторожно!

Я поднапрягся и, стараясь не пукнуть, усадил себя, аккуратно свесив копыта со стола, на который меня водрузили. Правое копыто продолжало болеть штопаной ляжкой и больным коленом, которому досталось во время прыжков с высоты. Морда моя, судя по ощущениям, была не намного лучше. От удара пули в баллистическую маску у меня распухла вся правая сторона лица, чудом оставив глаз открытым. И я мог себе представить, какими цветами радуги она должна была в скором времени расцвести.

– Ekhalu urody na rominku, – угрюмо промямлил я.

– Что, простите?

Док непонимающе уставился на меня, потом на Рамиреса. Я с дуру ляпнул в слух по-русски. Рамирес молча покачал головой и сделал доку знак, чтобы тот от греха подальше шел по своим делам.

– Долго я был в отключке?

¹¹⁴ Расстройство зрения, которое состоит в раздвоении видимых предметов.

¹¹⁵ Глаза (жарг.)

¹¹⁶ Изометрические упражнения – силовые упражнения, при которых напряжение мышц достигается без движения участвующих в упражнении частей тела.

Рамирес отрицательно качнул своей гривой, оглядел меня и, растянув хрюсло в жизнеутверждающей улыбке, уселся на стул, стоявший рядом.

– Ты даже себе не представляешь, что притащил в свою последнюю ходку.

Рамирес растянул свою рожу еще сильнее, и я начал бояться, что от таких упражнений она у него лопнет по шву.

– Я даже себе не представляю, где нахожусь, – брюзгливо ответил я. – И тем более не представляю, стоит ли мне доверять этим людям.

– Они нормальные ребята, – Рамирес чуть отклонился на стуле, чтобы заглянуть в дверной проем, где скрылся док. – Это те самые, которым мы немного помогли...

– Гражданские?

Я дождался, пока Рамирес кивнет в ответ, и медленно сполз со столешницы. Ноги держали, с учетом ситуации, вполне сносно. Башка, конечно, чуток кружилась, но рвотные позывы начали понемногу отступать.

– Мы наделали слишком много шума, – все также угрюмо пробубнил я. – Легавые наверное с ног сбились, разыскивая нас?

Рамирес покачал головой.

– Они сейчас не знают, за что хвататься. Не то мародеров ловить, не то на каждый выстрел протоколы отписывать. Кругом бардак...

Это немного утешало. Проблемы с органами нам были бы совсем не кстати, особенно с учетом того, что позаботиться о нас в случае чего было уже некому.

– Где мой ствол?

Я пошарил глазами вокруг, пытаюсь понять, где мои шмотки.

– Какой из? – попытался сострить Рик.

Я начал нервничать – мне, честно говоря, было не до шуток.

– Любой...

Рамирес слазил рукой себе под куртку, извлек наружу сорокапятку, которую мы отжали у латиносов в Ла Гранде, и протянул мне рукояткой вперед.

– У меня твоя «классика», подойдет?

Я молча сгреб пистолет из рук Рамиреса, попытался как-то разместить его на теле и только тогда понял, что все это время стоял босой и в одних трусах.

– Где тут сортир? – оставаясь, как мне казалось, внешне невозмутимым, спросил я.

Рамирес ткнул шупальцем в нужную сторону, и я, как был, в одних «боксерсах», поплелся в указанном направлении.

– Ты мне скажи, на кой хрен вам-то во все это лезть надо?

Я сидел на выдавшем вида «хипстерском» диванчике в комнате, исполняющей роль одновременно и гостиной и оперативного штаба, и битый час старался вкрутить мозги разбушевавшейся темнокожей дамочке. Пока, похоже, безрезультатно. В углу тоскливо бубнило из динамика что-то из давно забытого прошлого. По идее это должно было успокаивать. Но я уже начинал закипать.

За время, которое прошло с того момента, как я слез с «разделочного» стола, я успел довольно сносно адаптироваться к новым условиям. Поплескался в хозяйском душе, насколько это позволяла моя замотанная бинтом нога, смыв с себя грязь, пот и скупые мужские слезы. Влез в кое-как отстиранные джинсы, украшенные на правой ляжке, в том месте, куда меня ударила пуля, аккуратной дыркой. Немного похавал и, от нечего делать, набил пару магазинов к своей новой сорокапятке, пришедшей на замену подержанному трофейному «Эф-Икс 45»,

который я все же оставил в резерве. А между делом успел перезнакомиться со всей местной паствой и конструктивно пообщаться с Риком на тему «где я?» и «как жить дальше?»

Хибара, в которой нас приютили, торчала через две улицы от того места, где мне продырявили копыто. Это была небольшая, зажатая между таких же неприметных одно- и двухэтажных строений, семейная автомастерская. Первый этаж, в котором располагались рабочие помещения с двумя «ямами» и гидравлическим подъемником, в силу нужды был приспособлен под гараж и склад снабжения. А на втором, отведенном под жилые помещения, набилась вся та фауна, из-за которой мне чуть не отстрелили яйца.

Хозяева – Чед Бут, крепкий дядька лет под шестьдесят, и его сын Макс, вполне годившийся в сыновья мне самому, исполнившиеся христианского милосердия, насобирали под своей крышей довольно пестрый коллективчик. Тот серьезный парень, который латал мое копыто, оказался самым натуральным доктором. Его звали Джонатан Фелпс, и у его фамилии имелась какая-то номерная приставка типа «пятый-десятый», которая, по идее, должна была показать всем босякам, что он из семьи старых аристократов и его дерьмо не пахнет. До всеобщего кирдыка его светлость изволила трудиться в медицинском центре в Бойсе, но в один прекрасный день его жизнь, как и жизни трехсот двадцати с хреном миллионов человек в Штатах и еще полутора миллиардов в КНР, дала трещину и стала поразительно похожа на жопу. Единственный, кто не дал ему закончить свою жизнь с черным хреном в заднице, оказался дедушка Чед, уже приютивший к тому времени малолетнюю оторву по имени Эллисон и спортивного вида чернокожую тетку, представившуюся именем Джада. Джаде на вид было чуть за тридцать, и я мог поклясться, что до того, как попасть туда она трудилась либо в ментовке, либо на военных. Эллисон же представляла собой то, чего я больше всего в жизни боялся. Пацанка лет шестнадцати, типичный фрик¹¹⁷ из тех, что с компьютерами ладят лучше, чем с живыми людьми, одеваются так, словно их одежду засосало в шредер¹¹⁸ и красят волосы цветными мелками, как кислотные зебры, но при этом практически неспособны адекватно адаптироваться к окружающему миру.

Каждый из этих «пассажиров» пришел к Бутам в свое время, своими путями и при самых разных обстоятельствах. Но по схожим причинам. И это были те же причины, что ставили нас с Риком в коленно-локтевую позу.

Всего за пару суток ушедшая в непоправимое пике ситуация успела докатиться до такого состояния, в котором дерьму вроде нас с Рамиресом становилось совсем не уютно. Еще совсем недавно я бы обеими руками проголосовал за то, чтобы отслюнявить себе свою половину изъятной из гробницы Кенни налички, расплатиться за услуги с добрым доктором Айболитом и с Бутами за постой, и валить своей дорогой. Но когда Рамирес закончил в красках пересказывать мне события последних дней, я, скрепя сердце, засунул свой блестящий план побега поглубже в задницу. Загрустить и впрямь было от чего.

Власти Канады, границу с которой мы так легко преодолели еще совсем недавно, оценили масштабы миграции беженцев и пришли к выводу, что им грозит неминуемая гуманитарная катастрофа. А потом резко перекрыли последний кислород. И если теперь въехать с ее территории на территорию Штатов было проще простого, то выехать обратно в Канаду было уже нельзя. Об этом постоянно сообщали все местные СМИ, горести которых не было предела. Оно и понятно, Канада, по сравнению с США, почти не пострадала, и люди, пережившие ужас последних дней, тянулись именно туда. Но что характерно, несмотря на то, что все выходы на север им перекрыли, люди все равно перли и перли к границе в надежде свалить из зоны жесткой анальной оккупации. Вероятно, в Техасе, граничащем с Мексикой, было тоже самое.

¹¹⁷ От англ. freak – человек, отличающийся необычным внешним видом, вызывающим поведением, неординарным мировоззрением и отказом от социальных стереотипов.

¹¹⁸ От англ. shredder (измельчитель, кромсатель) – офисное устройство для измельчения бумаги.

С той лишь разницей, что там беженцев, скорее всего, просто отстреливали еще на границе с Оклахомой¹¹⁹

¹¹⁹ Оклахома – штат на юге центральной части США, с юга граничащий со штатом Техас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.